

ВЕРТОГРАДАРИ НАДЪ ЛОЗАМИ

СТИХИ СЕРГѢЯ БОБРОВА

РИСУНКИ НАТАЛІИ ГОНЧАРОВОЙ

Это изданіе повторено не будетъ

Изъ общаго количества экземпляровъ—50
авторизованныхъ, нумерованныхъ отъ 1 до 50.

СЕРГѢЙ БОБРОВЪ

ВЕРТОГРАДАРИ НАДЪ ЛОЗАМИ

МОСКВА—MCMXIII

Умру, умру, благословляя,
А не кляня:
Ты знаешь—какого рая
Достигнулъ я

(М. Кузминъ)

Marions nos mains pour chanter et danser une ronde, oubliés de l'inquisiteur, à la splendeur magiques des girandoles de cette nuit rieuse comme le jour . . . . .

. . . .

. . Dansons et chantons, nous qui n' avons rien à perdre, et tandis que, derrière le rideaux où se dessine l'ennui de leurs fronts penchés, nos patriciens jouent d'un coup de cartes palais et maîtresses

(A. Bertrand)

Воздвигайте длань святую, вертоградари мои,—
И сберите дань большую, вертоградари мои!

На долины сѣнь земную риньте токи зарныхъ
слезъ,—
Въ ночь исканій золотую, вертоградари мои!

Насъ въ путину не глухую милый пламенникъ занесъ
Вѣрно сердце обрѣту я, вертоградари мои!

Какъ въ дому моемъ пожду я искры рьяныхъ
быстрыхъ грозъ:
Вы дарите поцѣлуи, вертоградари мои!

Вы—небесъ стремите струи, вы несите купы розъ!—
Нѣжной волею ликуя, вертоградари мои!

Вы привѣтьте дорогую голубую рѣку грезъ
И творите жизнь живую, вертоградари мои

ЗДѢСЬ НАЧИНАЕТСЯ
ПЕРВАЯ КНИГА, ПО-
СВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ
ШАРЛЯ ВАНЪ ЛЕРБЕРГА

... Alors qu'un bibliophile s'avise d'exumer cette oeuvre moisie et vermoulue, il y lira à la première page ton nom illustre qui n'aura point sauvé le mien de l'oubli

(A. Bertrand)

A LA MEMOIRE GLORIEUSE DE CHARLES VAN LERBERGHE

Поэты..... это свободные гости, чьи, золотыя ноги ступаютъ безшумно и чье присутствіе безвольно развертываетъ у всѣхъ крылья

(Новалисъ)

I

Равнина сладостная пѣнится
И ты внимаешь, поблѣднѣвъ,
Далекій голосъ милой плѣнницы
Звѣзды плѣнительный напѣвъ;

И слышишь:—Въ тайномъ лабиринтѣ я
И тѣнь ложится отъ меня!
Пусть мореплаватель, принцъ Цинтія,
Идетъ, мечты мои храня!—

— Пусть манитъ онъ тропою новою
Меня свѣтить земное дно,
Пусть костью облачитъ слоновою
Сатурнъ летучее судно!

И пѣной страсти упоительной,
Огнемъ цѣлительнымъ труда
И вѣтромъ мудрости властительной
Изведена твоя звѣзда.—

И стала дальняя печальница
Чистѣйшимъ голосомъ небесъ
И свѣтоносной—усыпальница
Тѣхъ, незапамятныхъ чудесъ.

И вещи пали незамѣтными,
Окрестъ—все океанъ лучей,
Куда волнами безотвѣтными
Впадаетъ голубой ручей

II

Какъ Генрихъ въ глубину пещерную
Сошелъ привѣтить землю мать,
Миніатюрою невѣрною
Свой рокъ плѣнить и оковать,—

Такъ ты—лучами драгоцѣнными
И лепестками наученъ,
Прошелъ между вещами тлѣнными
Въ разоблачающій твой сонъ.

Плѣнилъ судьбу уединенную
Посѣвы солнца указать,
Рукою тайно благосклонною
Любовь слѣпую отвергать

Encore un printemps,—
encore une goutte de rosée
qui se bercera un moment
dans mon calice amer, et
qui s'echappera comme une
larme

(A. Bertrand)

I

ТРОПИНКА

En ce moment Saturne reparut·
Il tenait dans ses mains, comme
dans une coupe, quelque chose qui
scentillait.
«— Maitre,' dit il, c'est tous ce
que nous reste, ce petit verbe qui
tremble dans mes mains, comme une
larme et bat comme le coeur d'un
oiseau de paradis; c'est j'Aspire»

(Ch. van Lerberghe)

И узнаетъ сердце летъ и бѣгъ минутъ.

Сердце милое унынія полно.

Золотыя дали свѣтомъ оживутъ,—
Тамъ вскипаетъ пѣны розовой вино.

Путь бѣжитъ; на травахъ затрепещутъ
Росъ веселые, привѣтные глаза;

Облака тихонько плещутъ,
Такъ спокойны небеса.

Одуванчикъ поднимая золотистый,
Ты идешь—и гдѣ твоя печаль?—

Тонкимъ свѣтомъ задымится
Голубая даль.

Изумрудный лѣсъ шумитъ высокій
И дыханье сладостно полей.

Думаю о милой и далекой.

Думаю о лѣвочкѣ моей

II

ЗА МОСКВОЙ

Башенки больничнаго сада,
Заброшенный заводъ,
Поломанная ограда,
Далекій пароходъ.

И холодъ земной пустыни,
Какъ говоры горнихъ травъ!
Погрузись въ просторъ темносиній
Отъ былыхъ и знакомыхъ отравъ.

Забыть, забыть обо всемъ,
Умереть съ холоднымъ денькомъ!

Прими же днесь мои пени,
Неясная міра весна,
Успокой страстный бѣгъ мгновеній,
Весенняя волна.

Забыть, забыть обо всемъ,
Умереть съ холоднымъ денькомъ!

— Не видно башенокъ сада,
Угрюмо повисъ мостъ —
Холодная отрада!
Холодные блески звѣздъ

С. В. Ш.

III

ВЕСНА НА РѢКѢ

Сѣдая земля; косогоры,
Лиловыя тѣни,
А дальше—тамъ синія горы
И облики мертвыхъ мгновеній.

Высокія мачты роняя
Въ печальныя влаги,—
Застыли влали, отдыхая—
Суровыя баржи мои;
Ихъ ласково лижутъ струи,
Имъ ветхія молвятъ саги.

Раскиньтесь вечернія дали,
Заброшенныя дороги!
Вотъ тѣни вечернія встали
На своемъ голубомъ порогѣ...

Сгорай, улетай—о, сердце мое!
И яхонтомъ ринься въ пучину!
Дивись и смотри какъ копье
Небеса свое
Такъ щедро бросаютъ въ низину

IV

LES BIENFAITS DE L'AMOUR

Старинныя опять зовутъ прогулки!
Будь милымъ снова, незабытый другъ—
Вотъ брошены дорожки, закоулки
И скошенный насъ принимаетъ лугъ.

Не повторять прекрасные сонеты,
Не слезъ узнать неотвратимый путь
Идемъ сюда;—вотъ дальнихъ птицъ привѣты
И радости ты не избудешь, грудь.

Посѣщены мѣста далекой встрѣчи,
Узоръ тропинокъ нами не забытъ,—
Орѣшники твои ласкаютъ плечи.
Привѣтно небо межъ вѣтвей горитъ.

Вотъ паркъ съ подстриженными деревами,
Разваливающійся павильонъ....
Безпечно бьетъ узорными крылами
Смѣющійся и легкій лѣтній сонъ

Н. Н. АСѢЕВУ

V

ОСЕННІЯ ПЕЧАЛИ

Тамъ, въ садахъ лазури холодной
Звенятъ, улетая, стрижи.

Ты о скорби нашей свободной
Разскажи.

Насъ осыпали пурпуромъ клены,
Мы одни.

Какъ далекіе смутные звоны
Наши тихіе, бѣдные дни.

Тамъ зеленыя тянутся тучки
Надъ закатнымъ огнемъ,
Надъ сгорающимъ днемъ.

Протяни мнѣ холодныя ручки,
Мы теперь отдохнемъ.

Тамъ устали безмолвныя тучки,
Отдохнемъ

Осень, 1911
Петровскій паркъ, у дворца

СЕРГѢЮ РАЕВСКОМУ

VI

ПРЕДЧУВСТВІЕ

Цвѣтетъ земля рукою нѣжной музы!—
—Качнется надъ водами очеретъ.
На яблоню взлетитъ звеня удодъ,
А надъ рѣкою тянутъ черногузы;—
И съ ней поютъ и пѣну мечутъ шлюзы,
И комаровъ мятется хороводъ,
И пышнолиственный ведутъ чередъ
Зеленые фонтаны кукурузы;
Тамъ топотъ отразитъ пѣвучій мостъ,
Турбина мельницы ведетъ извивы;
А здѣсь ютится у родимой нивы
Господней нивой сѣренькій погостъ—
И кто то говоритъ мнѣ издалека,
Что и къ нему приду я одиноко

К. С.

VII

ФОНАРИКИ

Бѣгутъ фонарики, переплетаясь,
Въ одну живую нить свиваясь,
Сверкая разными огнями,
Встрѣчая радостными лучами.

Остановясь на мигъ, мелькаетъ
И тонкими лучитъ стрѣлами,
Потухнетъ—вспрянетъ—и таетъ, таетъ
Звѣздъ убѣгающее пламя.

И тусклый свѣточъ ты не уронишь,
Не здѣсь ли, не здѣсь ли моя могила?
Огонекъ ты тонешь,—кого хоронишь,
Кому ты шепчешь:—Прощайся, милый!

Пронзая страстными, живыми лучами,
Мерцая разными огнями,
Бѣгутъ фонарики, сплетаясь,
Въ одну живую нить свиваясь.

Великій Четвергъ 1912.

VIII

ОЧАРОВАНІЕ

Не разбивается ли всегда усталое
сердце подъ чуждымъ небомъ?

(Новалисъ

Пурпуровый сводъ отразишь
Во міракъ плывущею душою,
Привѣтишь шепчущій камышъ
Надъ уходящею водою;

И жаль забытаго, и жаль
Дней расточенныхъ на чужбинѣ:
Но все—горитъ любовь—печаль
Въ родной своей, въ родной пустынѣ.

И сердце, стекляный шаръ, горитъ
И алыми даритъ стрѣлами,
И тайно милое молчитъ,
Слѣдя за тихими листами.

И все же въ сновидѣньяхъ дней
И сердце застываетъ, ноя,
Когда разскажетъ Одиссей
О странствіяхъ у Алкиноя

IX

ПЕЧАЛЬНЫЙ ЗАКАТЪ

Какой горючiй пламень!

(А. Фетъ)

Закоулокъ тихiй за хатой
Поросъ высокой крапивой—
И день убѣгаетъ богатый,
Помавая блестящей гривой

И надъ кленомъ лѣниво
Жуки гулятъ осторожно;
Крадется высоко надъ нивой
Копчикъ тревожный.

Тропою неложной
Толпы небесныхъ странницъ
Взлетаютъ смѣясь—въ невозможный
Закатный румянецъ

И въ тихiй танецъ
Базокъ духовитый
Бросаетъ на каменный глянецъ
Цвѣтокъ хитро свитый.

....Теперь—погляди ты
На дали спокойно,
Ты, забытый
На отмели знойной

X

ДЕНЬ

О, Ночь! въ твоемъ небѣ и
въ твоемъ свѣтѣ—Любимая!

(Новались)

Подъ взоромъ печали старой
Истекаетъ закатомъ день,
Пораженный весенней хмарой,
Онъ медлитъ спуститься въ тѣнь.

Что медлишь?—исчезни! Сладко
Погибнуть въ омутъ временъ:
За притиномъ таится загадка:
Ночь, томленіе, сонъ.

Опрокидывая безбольно тѣни,
Розовое солнце!—ты ль—
Бросаешь связки мгновеній
Въ свою золотистую пыль!

Весна, заключенная въ выси,
Въ стеклянномъ, желтомъ гробу,
Не знаетъ, отверстую съ высей,
Судьбы молчаливой трубу,—

Что ведетъ по прорѣзямъ мрака
И голосъ мнѣ подаетъ,—
Чьей рукой засинѣла Итака
Предъ царемъ Одиссеемъ за гранями водъ!

И встрѣтила съ ясной улыбкой,
И сверкаетъ, темнѣетъ мнѣ.
Плещетъ золотою рыбкой
Въ весеннемъ ручьѣ

XI

ПОЭТУ

Мой милый, закатный, пригожій!
Ты въ какой притаился мглѣ,
Ты на какой—непохожей,
Не нашей землѣ!

Зарницы идутъ за тобою
И голуби летятъ,
Шелеститъ весеннюю хвою
Вѣтровъ трепетный рядъ.

Прозрачное сѣрое утро:
Ты знаешь все напередъ;
Дождливая сѣть перламутра
Протянется, занесетъ.

Но изъ темной, сѣдой сѣтки
Изъ тумана, откуда то голосъ твой:
Слова медленны, странны и рѣдки
И страненъ совѣтъ золотой:

— Вернись, вернись ты къ дому,
— Все—опять, опять, опять!
Мой милый, пригожій, знакомый,
Куда отошелъ ты ждать!

1911

Н. С. ГОНЧАРОВОЙ

XII

РОЗОВЫЙ САДЪ

Гдѣ небомъ дышитъ сельный кринъ,
Разоблачится садъ небесъ

(Вяч. Ивановъ)

Розовый садъ
Вь яблонномъ цвѣту—
Оглянись назадъ
Въ твою высоту—

Приметъ твои мечты,
Твою печаль
Золотая какъ ты
Небесная даль.

И мелькнетъ, и блеснетъ рѣка
За лугами синими—тамъ,
Плыветъ рука
Среди травъ—къ цвѣтамъ.

И ты окруженъ, оглушенъ
Пѣньемъ, игрою пчелъ—
Куда ты пришелъ!
— Въ розовый садъ, въ зеленый сонъ.

Ты земное въ земномъ покинь,
Негодуя, терзаясь, любя!
— Небесная синь
Приметъ тебя

Г. А. РАЧИНСКОМУ

XIII

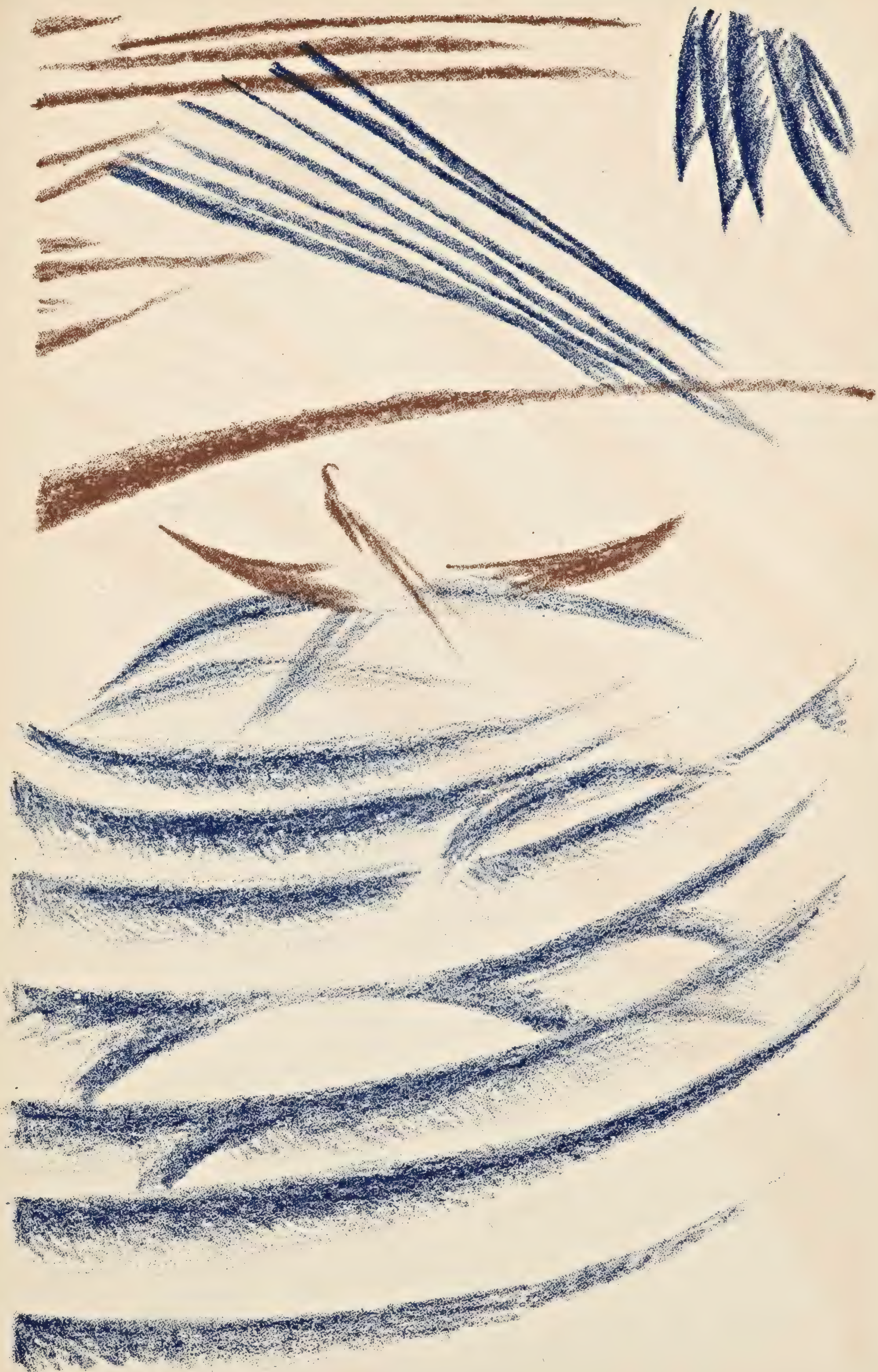
НА РѢКѢ

Вечернихъ водъ плѣнительныя стекла,
Вечернихъ водъ цѣлительная сонь!...
Не вѣрь,—души сіяніе поблекло,
Повѣрь въ сей сладкій, выспренній огонь.

У мудрыхъ водъ, у горести янтарной
Обиды въ дремѣ скрой и позабудь;
А волны сладостію свѣтозарной
Свѣжатъ тебѣ чело, уста и грудь.

Ты водъ помазанникъ, печальникъ тайный
Скользи, скользи равниной золотой
Въ зеркально ясный и безкрайный
Въ давнишній розовый покой.

И что то опять настанетъ—
И веселъ будетъ полетъ!
А вечеръ бросаетъ герани
На грудь услалившихся водъ.

И за ветлами небо ясно,
И желтые ихъ стволы
Упадаютъ безстрастно
Въ зеркала наплывающей
Въ зеркала уплывающей мглы.

И бьется надъ берегомъ, бьется
И просится въ пристань водъ
Кустарникъ бѣдный;
А тамъ несется
Чирковъ звенящій, побѣдный полетъ.

И камышъ замирающій плачетъ
И все говоритъ—ты нашъ!
И далеко и ясно маячитъ
Звонъ брошенныхъ въ воды чашъ,—

Эти жребіи отгорѣли
И душа одиноко живетъ.

О, плѣнитель моей свирѣли
Голубая излука водъ

XIV

ГРОЗА

. . . . Перуны,
Въ которыхъ спитъ судьба моя

(Е. Баратынскій)

Такъ: освѣжительный покровъ
Протянутъ днесь посеребенный
И стонъ взлетающихъ деревъ
Проносится разгоряченный!
Но пререканія боговъ
Взоръ не постигнетъ ослѣпленный—
И, зыбкій берегъ свой храня,
Онъ жаждетъ возвращенья дня.

Неистово и буйно бѣлъ
Мечъ струй взрѣзаетъ черноземы,
И цвѣтикъ бѣлый полетѣлъ
Безъ страха въ смертныя истомы,—
А тамъ - въ платиновый предѣлъ
Возносятъ ликованья громы—
И веселъ бьетъ гремящій дождь
Въ стволы мерцающіе рощъ.

И струйка тонкая бѣжитъ
Змѣей по темнымъ буеракамъ,
И молнія вдали сгоритъ
Разоблачающимъ призракомъ,
Пронзая горній бѣлый скитъ
Своимъ эѳирно бѣлымъ знакомъ,
Бросая свой блестящій мечъ
Въ земную тягостную сѣчь.

А тамъ—блистаетъ;—снова ты,
Полоска синяя лазури!
Родные, сладкіе цвѣты,
Вы—пасынки огня и бури,—
Лазурь! лазурь! мечта мечты,
Ты ясная, какъ на гравюрѣ,
Прійди и душу успокой,
Когда мятется сильный бой

1912
Красная Поляна

XV

РАЗСВѢТЪ

Откройте, откройте и не
бойтесь,—хорошія, радостныя вѣсти!

(Т. Гофманъ)

И тайно мучили стѣны!
Мой взоръ, мой страстный взоръ
Вотще искалъ перемѣны,
Разстилая расшитый коверъ;

Вотще о милой я плакалъ
И сердце разрывалъ!
Засовъ угрюмо звякалъ
И крѣпко меня запиралъ.

Воздвигались замки, озера,
Кладбища, равнины, поля—
Я свѣтлаго жаждалъ спора
Съ тобой, съ тобою, земля.—

Но призрачной ты представала
И, краткій сонъ лепеча,
Ты тушила, ты избывала
Два дрожащихъ луча.

Теперь я пришелъ къ порогу
Въ неродимой, чужой странѣ:
И кто мнѣ предскажетъ дорогу,
Кто свѣтлый явится мнѣ?

....Повиснувъ облакомъ тонкимъ,
Вручаешь дрожащій свѣтъ,
Мечомъ разсѣкаешь звонкимъ
Мое сердце, даришь обѣтъ.

Я вѣрю въ новые годы,
Я ихъ давно предсказалъ;
Отрекшись отъ темной свободы,
Я странный зовъ услыхалъ.

И теперь—слѣпецъ я счастливый!—
Бреду на свирѣль твою;—
Неволей моей горделивой
Живу, люблю и пою

XVI

САДЪ

Вотъ Маша Штальбаумъ, дочь
очень почтеннаго совѣтника

(Т. Гофманъ)

Не проснется, не услышитъ
Старый садъ,
Лишь земля стыдливо дышитъ,
Звѣзды яркія горятъ.

Радость въ сердцѣ миломъ, старомъ,
Въ тихой звонницѣ звонитъ,
Стелется весеннимъ паромъ
И тропинками бѣжитъ.

На травѣ сѣдой сіяетъ
Серебристый ледъ,
Ясный мѣсяцъ освѣщаетъ
Той дорожки поворотъ.

И бросаетъ на ограду
Живоносные лучи,—
Проходи теперь по саду,
Улыбайся и молчи.

И трепещущей рукою
Ручку милую обнявъ,
Ты иди тропой одною
Межъ снѣговъ и мертвыхъ травъ.

А весна—бѣжитъ, играетъ,
Примѣчаетъ жемчуга,
Смертной ласкою ласкаетъ
Истомленные снѣга
И подснѣжники роняетъ
На поемные луга

Мартъ 1912

XVII

НА ЗАВТРА

На завтра темный день настанетъ,
Спокойно молвитъ:—навсегда...
Въ туманы утренніе канетъ
Моя пѣвучая звѣзда;

И пыльный путь полями ляжетъ,
Маня угрюмой чередой,
И сердце ничего не скажетъ
Надъ бѣдною моей звѣздой.

Пространства пробѣгая мѣрно,
Поля мои, мои лѣса,
Ты позабудешь, легковѣрно
Мои цвѣтущія небеса;

И позабудешь, какъ забыла
Мою ночную тишину, .
И все, что плакало и было,
И пѣло пѣнную волну.

Лѣса мои! мои поляны!
Зеркальная моя вода!
Въ туманы завтра нѣжно канетъ
Моя единственная звѣзда.

Покинувъ горизонтъ хрустальный
И сердце преданное ей,
Уносится—скорѣй, скорѣй—
Въ часъ незабвенный,
въ часъ печальный

Красная Поляна,
13 іюня 1912

XVIII

ЖИЗНЬ

Жизни я служу, а существамъ не вѣренъ.
(Ив. Коневской)

Когда любовь торжествовала
Надъ помраченною душой,
Ты, жизнь таинственная, знала
О грани чудно роковой,

Но сномъ глубокимъ, непробуднымъ
На краткій часъ поражена,
Когда желаньямъ безразсуднымъ
Открылась новая страна,—

Ты всѣ лѣнивыя заботы
Холодной казни обрекла,
Всѣ сердца робкіе полеты
Своими снами нарекла,

И мнѣ съ улыбкой предрекая
Благословенный край отцовъ,
Ты не отвѣтила, мечтая,
На замирающій мой зовъ,

И, плаватель неосторожный,
Покинувъ сѣнь родимыхъ скалъ,
Тебѣ мой жребій невозможный
Я, уплывая, обѣщалъ,

И вотъ разбитъ челнокъ мой милый
И ты одна не прокляла,
Покинутаго навѣстила
И утѣшала, какъ могла

1912

XIX

МИЛЫЙ РОКЪ

Своей плѣнительной глубиною
Меня привѣтилъ милый Рокъ—
И облаченной темнотою
Остановился дней потокъ—

Безмолвныя его селенья
Пріяли тихія меня,
Его тайныя мгновенья
Плыли, ясностью осѣня.

И темнотою утопая
Такой восторгъ переживалъ!
О, ночь непомѣрная, ночь благая,
Твоимъ я былъ, твоимъ я сталъ.

И, матерь мудрая, лаская,
Ты, не таясь, звала ко мнѣ:
И я томилъ тебя, сжигая
На моемъ неясномъ и яркомъ огнѣ.

Невольникъ дорогой! оратай!
Тебѣ вся жизнь передана—
Блескомъ полуночнаго заката
Играетъ предъ тобой она

ПАМЯТИ ИВАНА КОНЕВСКОГО

XX

ПОТОКЪ

—Скоково

Я шелъ полдневно,—безъ цѣли,
Безъ дружественныхъ моихъ грезъ
(И ввысь надо мной летѣли
Улыбки твоихъ березъ),—

И каждый мой мигъ былъ стебель,
И каждый мелькалъ какъ жукъ,
Ласкалъ меня сладко—на небѣ ль
Рождавшійся, розовый звукъ;

На этой послѣдней тропинкѣ
Пустыня изможденa,
Но къ каждой малой личинкѣ
Льнетъ устами души тишина:—

Дуновенье небеснаго хлѣба
До меня тогда дотекло,
Какъ неслось лучезарнаго неба
Текущее быстро стекло.

И тутъ я безмолвно понялъ,
Что—нѣтъ, ничего не прошло:
Утверждаются солнечные кони,
Раздробляя сапфирное стекло—

тѣ же кони несутся,
Какъ воды Памяти—вспять,
Когда ихъ нѣжно коснутся
Крылья ночи—изнемогать.—

Такъ меня тогда научили
Улыбки твоихъ березъ,
Утомленные часы проходили
Безъ смятеній, желаній и грезъ

ЗДѢСЬ КОНЧАЕТСЯ
ПЕРВАЯ КНИГА

ЗДѢСЬ НАЧИНАЕТСЯ
ВТОРАЯ КНИГА

Laissons venir la Muse,
Elle osera chanter;
Et, si le jeu t'amuse,
Je veux te la prêter...

(T. Corbière)

Самъ повторю я Святославу,
Что пѣлъ Сіанѣ молодой

(Н. Языковъ)

К. С.

I

СТРѢЛА

....que j'aimais une mortelle,
boudeuse et depitée....

(A. Bertrand)

Харитами благословенна
И музой благословлена,
Судьбою злой отлучена
Отъ пламенной твоей вселенной:—

Такъ въ холодный зѣвъ могилы,
Въ лоно матери земли
Сходитъ царственной стопою
Лучъ лазоревой дали.

Твердь яснится звѣздой падучей,
Пророчитъ сладко смерть ея:
И мы покинемъ бытіе
И такъ же промелькнемъ за тучей:—

Но и ты, сіяя злата
Легкорунною волной,
Путь богатый и безпечный
Оставляешь за собой.

Но на покинутыя нивы
Несется быстрый водометъ:
Земля могучая возьметъ
Отъ взгляда тверди прихотливой:—

Побѣдительница младость!
Дай вкусить твоихъ волшебствъ,
Тайныхъ ночи воззываній,
Неиспытанныхъ естествъ!

II

ПРЯХИ

Если бъ я была царица,
Третья молвила дѣвица...

(А. Пушкинъ)

Легкокрылыми вѣтвями
Входъ печальный оплетенъ,—
И таится сумракъ сѣрый
Усладительной пещеры
Неописанныхъ временъ;

Отъ роскошествъ алчныхъ міра
Утаивши голосъ свой,
Сестры пряли и играли.
Прялки быстрыя плясали
Надъ землею огневой,

Ихъ плѣнительныя руки
Исчезаютъ въ высоту:
(Эти муки! это пламя!)
И заморскими глазами
Нѣжно мѣрятъ пустоту.—

—Здѣсь великою судьбою
Намъ заказаны пути—
Сестры, сестры! оглянитесь:
Если въ лѣсъ заѣдетъ витязь—
Какъ онъ сможетъ насъ найти?—

—Нѣтъ, воителю въ дубравѣ
Не вернуться суждено—
Это старшая сказала;
Ей отвѣтствуя, плясало
Тонкое веретено,—

На ея тревожномъ взорѣ,
На дѣвическихъ устахъ:
Мы не вѣрили потерямъ:
Словно въ нѣкій дымный теремъ
Милый обратился прахъ.

И сложивъ спокойно пальцы
(Средней страненъ былъ отвѣтъ):—
—Ахъ, не милъ жестокій жребій—
Мы плывемъ въ зеркальномъ небѣ
Тихихъ и блаженныхъ лѣтъ....

Но пылающія косы
Сбросивъ съ яснаго чела—
(И божественная радость
Первозданной ночи младость,
Надъ пещерой расцвѣла):

Нѣжно младшая шептала,
Обрывая лепестки:
—Если сердце насъ научитъ,
Если насъ судьба разлучитъ,
Я погибну отъ тоски.

Лишь тебѣ судьбой блаженной
Сей безмѣрный данъ удѣлъ—
Окрыленными стопами,
Заглушенными тропами
Покидать земной предѣлъ—

Ты, поэтова судьбина,
Къ ней веди тропой ночной:—
Ахъ, она улыбкой ранитъ,
Ахъ, она къ пещерѣ манитъ
Заколдованной рукой

П. Ю. БАРТЕНЕВУ

III

ЗЕМЛИ БЫТIЕ

Богиня! ты ли пѣть вручила
Моимъ хладѣющимъ перстамъ;
Улыбкою путеводила
Къ земли взрывателямъ, ключамъ.
И посохъ твой—взнесенъ надъ тучей,
Онъ дольнiй указуетъ храмъ,
Надъ яростью грозы кипучей,
Опровергая молнiй летъ,
Высокiй онъ возноситъ случай
Въ неистощимый огнеметъ!

Путей водитель увѣнчанный
Въ туманъ лiановыхъ лѣсовъ,
Почто же вновь игрою странной
Ты опечалиться готовъ!
Какъ жизни бѣглой катахреза
Ударитъ кольцами оковъ,—
Но мiръ ландшафтами Фрiеза
Взнесетъ пылающiй возгласъ,
Какъ оный рыцарь Веласкеза
Язвительной тоскою глазъ.—

Такъ и тебѣ, о гость печальный!
Такъ памятенъ широкій Нилъ—
И на волнѣ его хрустальной
Отдохновенный крокодилъ.
И я воспомню эти тѣни
Песчаный, явный солнца пылъ;
Такъ:—если низкій долъ сиреневъ
И никнутъ голоса вещей,
Судьбою данъ тебѣ, Бартеневъ,
Путеводитель скарабей

Т. Ч.

IV

ТАПИРЫ

Раздвинулись сухіе тростники,
Луна ущербная свой ликъ скрываетъ;
Чей топотъ осторожный возникаетъ
У ила мягкаго моей рѣки?—
—Завылъ шакалъ, исполненный тоски,
Тамъ быстрой точкой птица приплываетъ,
Тамъ сонною волной плавникъ играетъ,
Серебрянные бросивъ угольки....—

Вотъ тяжкій хрипъ и обликъ кажетъ мрачный
Угрюмый, сумрачный вожакъ—чепрачный—
И, хрюкая, другіе вслѣдъ за нимъ—
У водъ, дробя холодные сапфиры,
Поднявши хобота въ воздушный дымъ,
Посапывая, влагу пьютъ тапиры

V

ШУТЫ ЭРАЗМА ГРАССЕРА

Je suis le nain de
Monseigneur le roi

(A. Bertrand)

Вотъ на полочкѣ отвѣсной
Пляшутъ старые шуты,—
Полихроміи чудесной
Простодушныя черты:—

«Мы потѣшимъ королеву,
Мы попляшемъ такъ и такъ;—
Преданъ тайному напѣву
Каждый быстрый, нѣжный знакъ!

«Бьетъ веселый мигъ измѣну
Бубенцомъ на головѣ,—
Мы потѣшимъ шателэну
На вечерней муравѣ!»

И—носками землю пашутъ,
Мнутъ высокіе цвѣты;
Вотъ такъ пляшутъ! вотъ какъ пляшутъ
Грассеровскіе шуты

VI

ИСТОЧНИКЪ ЮНОСТИ

(КАРТИНА ЛУКИ КРАНАХА)

Холодные фонтана всплёски
Неизмѣримы и легки.
Скрипятъ тяжелыя повозки,
Носилки, тачки и клюки.

Вы, старцы—горести и мира
Надеждою увлечены!
Звенящая, пади, порфира,
На холодъ темной тишины:

Жизни цвѣтущія заботы
Благотворительный фонтанъ
Подъялъ въ свои водовороты
Какъ въ нѣкій золотой туманъ.

И пиръ поетъ на травахъ пышный,
И каждый странникъ, каждый гость
Рукою буйной и неслышной
Здѣсь выжметъ молодую гроздь.

Душа свободная! ты рада
Смѣяться сумрачной судьбѣ!—
И вотъ блаженная награда:
Кранаха кисть поетъ тебѣ

VII

ПОСЕИДОНЪ

Какъ зовъ единственной свободы,
Но лишь къ тебѣ, но не ко всѣмъ;—
На темный міръ низвергнувъ воды,
Тебя я поднялъ, Полифемъ

И островъ твой, пустынь пустыня:
Песчинка въ яви бытія,
Тамъ не коснется благостыня
Тебя; тамъ утвердился я

И взоръ циклопа не пронижетъ
Чреды атлантовъ облаковъ:
Гдѣ валуны валъ милый лижетъ—
Сѣть непреложная оковъ

И ты, осколокъ міозданья,
Міросозданіе мое,
Влачи, влачи свое пыланье
Въ изломленное бытіе.

Доколѣ мудростью ведомый
Не ополчится на тебя,
Воинъ, мои презрѣвшій громы:
Испепеляя и губя,
Къ себѣ летящій изъ себя

К. С.

VIII

НА ОСТРОВѢ СХЕРІИ

Мы жъ утратимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой
(А. Пушкинъ)

Странникъ! жди, нетерпѣливый,
Здѣсь цѣленье тишины,
Многошумныя оливы
Алкиноевой страны.

Исчезаетъ, смутно рѣя,
Въ дали мутно голубой
Покрывало Левкотеи
За волнистою чертой.

Сумракъ падаетъ блаженный
Въ феакійскія поля,
Сонъ даритъ тебѣ безцѣнный
Миротворная земля.

....—Гдѣ я, гдѣ я? восклицаетъ
Странникъ, простирая взоръ,—
(Рай высокій ниспадаетъ
На божественный просторъ!)—

Мячъ трепещущій взлетаетъ
Въ радостныя небеса
И его внизу встрѣчаютъ
Дѣвъ пугливыхъ голоса.

Мячъ томится легколетный
Въ ослѣпленной вышинѣ;—
—Будешь съ нами беззаботный
Странникъ въ мирной тишинѣ!—

Сердце палаетъ въ испугѣ,
Исчезаетъ мячъ въ волнахъ—
Бьютъ копыта брегъ упругій
И тревожатъ звонкій прахъ.

Что временъ твоихъ обиды
И побѣдъ далекій кликъ!—
Здѣсь царевны—Артемиды—
Предъ тобою стройный ликъ.

Преклонись въ своемъ убранствѣ
Къ нашимъ милымъ берегамъ,
Изъ далекихъ, темныхъ странствій
Діемъ ты заброшенъ къ намъ.

Ты изъ мирной вышелъ чащи
Безъ одежды, безъ меча!..
—И сверкаетъ бичъ звенящій,
Муловъ добрыхъ горяча.

Въ сердцѣ трепетъ тонетъ тая,
Бури грозовая мгла,—
Не сама ли Навсикая
Въ путь желанный повела!

А на отмели—нагія,
Гостя въ городъ проводивъ,
Пляшутъ нимфы золотыя
Въ темной зелени оливъ

Апрѣль 1912

IX

А. А. СИДОРОВУ

БРОДЯГА

Онъ три года плавалъ на корсарѣ,
Онъ топилъ купцовъ и бригантины;
Пилъ свой джинъ и спалъ на жесткой нарѣ
И смотрѣлъ какъ прыгаютъ дельфины.

Съ черной мачты онъ кричалъ кукушкой
Если видѣлъ на морѣ француза,
Съ сорокавосьмифунтовой пушкой
Отбивалъ онъ лучшее изъ груза.

Разъ за ними гнался англичанинъ,
Но корсаръ отбился въ дали скрылся,
Вечеръ былъ неясенъ и туманенъ,—
И онъ ночью снова появился.

Абордажъ! солнце морскихъ безумій!—
Острымъ крючьямъ ядра не препона!
— Побѣдили. Заперли матросовъ въ трюмѣ
И взорвали «Гордость Альбіона».

Радуйтесь, просторы океана,
Этой жертвѣ дымной и богатой
—Оглушили О'Коннеля капитана,
И живого добыли пираты.

Захватили жемчугъ Брамапутры,
Шестьдесятъ боченковъ полныхъ эля
И, едва лишь засвѣтилось утро,
Вздернули на рею О'Коннеля.

Но ихъ въ гавани одной поймали.
Экипажъ приговорили къ смерти;
Только пять матросовъ убѣжали,—
Съ стражею дрались они какъ черти.

Онъ бѣжалъ; въ портахъ ласкалъ цыганокъ,
Пропилъ все—теперь онъ лишь бродяга;
Онъ поднялся нынче спозаранокъ
И идетъ изъ города Сантъ-Яго;

Плачетъ зорька надъ тихимъ востокомъ
И ласкаетъ роса полевую розу;—
Онъ теперь на бригъ поступитъ кокомъ
И уйдетъ на дальнюю Формозу.

Онъ идетъ, идетъ простой бродяга,—
И сума его мало вѣситъ;
Онъ идетъ въ Мэрилендъ изъ Сантъ-Яго,
Въ Мэрилендѣ его повѣсятъ

X

МЯТЕЖЪ

— Ville brûlée!
— Bourgeois pendus!
(A. Bertrand)

Съ утра ревѣли въ предмѣстьяхъ.
Нестройные голоса
Кричали, что въ ближнихъ помѣстьяхъ
Пылаютъ луга и лѣса,

Что нѣтъ намъ счастья безъ воли,
Что всякій смѣетъ дышать,
Что въ городѣ нѣтъ соли
Что нужно идти умирать,

Что народъ не пойдетъ въ пещеры
Искать серебро и ртуть,
А черные револьверы
Пробьютъ надежный путь.

Воздадимъ же дикое мщенье
За дикое горе и боль—
Переполнилъ чашу терпѣнья
Сжигающій алкоголь!

Кричали толпой, въ одиночку,
А у входа въ темный подвалъ,
Одинъ, вскочивши на бочку,
Ломая руки,—звалъ;

Говорилъ имъ: «Братья! братья!
Или стоны вездѣ не громки?
Въ желѣзныя ада объятья
Пусть падутъ феодаловъ потомки!

«Мы сами назначимъ плату,
Забудемъ черныя лямки;
Мы—разсвѣтъ, а къ злому закату
Смерть придетъ въ родовые замки!

«Въ дней прекрасныхъ взлетимъ лазурь мы,
Несказанное станетъ понятнымъ!
Мы разрушимъ башни и тюрьмы—
Конецъ симъ позорнымъ пятнамъ!

«А паркетъ высокой палаты
Черной кровью весело вощить!
Если насъ разтерзаютъ гранаты,
Женъ, дѣтей мы пошлемъ на площадь!....»

И вой поднялся неровно
(Въ эти синіе утра огни)
И какъ волки на стадо овновъ,
Гремя, побѣжали они.—

И вѣтеръ хлесталъ имъ за воротъ
И пѣлъ онъ (голосъ тоски)—
И вонзила толпа въ городъ
Бѣлоснѣжные свои клыки

XI

МАРКИТАНТКА

(КАРТИНА М. Ѳ. ЛАРІОНОВА)

Сброшенъ твой нарядъ убогій,
Отдыхъ сладкій приготовь:
Пусть одной съ тобой дорогой
Темная идетъ любовь:

И холодный взоръ не прянетъ,
Но, закинувъ блѣдный станъ,
Онъ опять дрожащимъ станетъ
Въ новый, сладостный обманъ.

—Ты спокойно отвратила
Равнодушные глаза,
Радость сердце освѣтила,
Этой ночью озарила
Радость дикіе глаза.—

Пусть приходятъ—мѣдью черной
Побряцать—и припадать,
Пусть идутъ стезей покорной
Груди бѣлыя лобзать.

Ты играла, ты забыла
Это слабость или стыдъ!
И коварная, манила,
Улыбалась, уходила
И теперь твой свѣтъ избытъ!

Ты острѣй вонзись, терновникъ
Сномъ забытой тишины:

И послѣдній твой любовникъ
Ухмыльнется со стѣны

XII

ВЪ МУЗЕѢ

Вошла угловатой походкой
Какъ мальчикъ въ этотъ залъ,
Подъ старой франкской рѣшоткой
Я стоялъ и ждалъ.—

И платья огонь лиловый
Плеснулъ на статуй снѣга,
И голосъ ея суровый
Блисталъ и пѣлъ какъ пурга.

(И стѣны круговоротомъ
Потеряли прежнiй ликъ,
Передъ этимъ полетомъ
Нѣмѣлъ безумный языкъ.

(И въ залѣ гасъ чей-то вѣнчикъ,
Гасъ, изсякалъ, мерцалъ;
Я былъ въ ея бубнѣ бубенчикъ,
Я покорно и буйно плясалъ.)

И, щелкнувъ пальцами нѣжно,
Кавалеру сказала она:
—Вы смотрите слишкомъ прилежно,
—Эта фреска скучна.

А онъ, блеснувъ ботинкомъ,
Смѣясь, увѣрялъ ее,
Что только скучнымъ былинкамъ
Даровано бытiе.

И они ушли изъ зала.
И, внезапно взглянувъ на меня,
Она ему приказала:
— Сегодня я буду твоя

XIV

HISTOIRE

Осторожно мѣдный звякалъ,
Стражъ недремлющей руки;
Я капризничалъ и плакалъ
Обнимая башмачки.

И она какъ старецъ нѣкій,
Мудро страсти озлативъ,
Стройно опускала вѣки
Словно парусы въ заливъ.

И смѣялась, и простила
Страсти легкіе дары;
Тонкій поясъ уронила
На пушистые ковры

XV

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

— Нѣтъ, сказалъ Дикъ, разбивши третью кружку, — пусть будетъ проклятъ однажды и навѣки „Зеленый Медвѣдь“, гдѣ меня угостили омеловой настойкой, вмѣсто древняго хереса, о коемъ былъ столь прекраснаго мнѣнія Фальстафъ, мой другъ, — клянусь Вакхомъ!

И, ударивъ кинжаломъ въ грудь графа ди Триньяно, разбойникъ выпрыгнулъ въ окно и побѣжалъ по пустырю, заряжая на бѣгу пистолетъ

(Koodstayl)

Всѣ нѣжныя имена
Твоихъ милыхъ рукъ недостойны!
И судьба, что тебѣ суждена
Глубока безмѣрно и стройно.

И тѣни твоихъ рѣсницъ
Прекраснѣй бронзы и злата:
Не крылья ли веселыхъ птицъ
На свѣтломъ ликѣ заката!
—Нѣтъ, мы стоимъ у границъ,
Гдѣ нѣтъ предѣла, возврата!

Лучи плѣненные поютъ,
Твоихъ касаясь пальцевъ:
Какой пріятнѣйшій пріютъ
Для маговъ и скитальцевъ!

Но висѣлицы золотой
Ужасенъ видъ и мраченъ:
И вотъ—уже передъ тобой
Міръ озлащенъ, прозраченъ.

И нѣтъ намъ радостей иныхъ,
И нѣтъ иныхъ намъ плясокъ,—
Какъ крыться въ крыльяхъ золотыхъ
За кружевами масокъ!

И будетъ нашъ веселый балъ
Плѣнительно баналенъ,
Зане не разъ я воздыхалъ
У тѣхъ опочиваленъ;

Зане не разъ я цѣловалъ,
Безумецъ—руки эти
И намъ сульба: прійдя на балъ,
Понять: мы только дѣти,

Мы все разскажемъ ввечеру,
Мы будемъ откровенны:
Понять сумѣетъ тотъ игру,
Кто ей пребудетъ плѣнный.—

Кто, распростясь съ своей судьбой,
Всѣмъ скажетъ:—Путешествій
— Любовникъ я теперь—со мной
— Планъ Африканскихъ шествій!

И мы простимъ ему печаль
Отчаянье и слезы;—
Какъ намъ съ тобою было жаль
Потерянныя грезы!

Ласкаетъ и палитъ іюль
На вашемъ платьѣ гарусъ...

Пожалуйста! возьмите руль
И натяните парусъ

XVI

СКАЗКИ

«И воскликнулъ:—О, небесное,
божественное существо....—и проч.»

(Т. Гофманъ.)

Мы разсказывали сказки,
Два поэта—ей одной,
И красавицы смѣялись
Надъ затѣей неживой.

Каждой золоченой фразой
Мы напоминали ей,
Что мы отданы навѣки
Кругу блещущихъ цѣпей.

Какъ сіяетъ цвѣтъ счастливый,
Какъ полдневная звѣзда,—
Такъ привѣтливо дѣвица
Улыбалась намъ тогда.

Мы не знали гдѣ ей будетъ
Богомольно отдохнуть
И зачѣмъ ей жизни хладной
Данъ неизгладимый путь,

Но прочли въ очахъ спокойныхъ
Наши вѣрныя мечты
Мертвый и холодный трепетъ
Несказанной пустоты.—

Но мы знали, что героямъ
Только радость—умирать
И мы бросились спокойно
Въ омутъ зыбкій—просіять!

И хотя мы вспоминали
Будущаго весь чередъ,
Мы не вѣрили, что сердце
День таинственный сожжетъ,

Что и ей, колдуньѣ нѣжной,
Страстный будетъ день сіять,
На лицо ея положитъ
Мертвую свою печать

Два поэта—только сказки
Мы разсказывали ей;
Намъ блистали арабески
Легкихъ завитыхъ кудрей.

И нежданной похвалою
Насъ привѣтилъ не одинъ,
Пробѣгавшій легкой тѣнью,
Взоръ насмѣшливый мужчинъ.

А когда мы уходили,
Вспомнили мы о другой,
Чья свобода, чье мученье
Вянутъ розой неживой

XVII

МГНОВЕНІЕ

. . . . На мигъ очарованьемъ,
На краткій мигъ была мнѣ жизнь моя
(Е. Баратынскій)

Были рѣчи смутны и спутаны
И, смутясь—я умолкъ;
Были плечи ея закутаны
Въ нѣжный, черный шелкъ,

Но она голубыми взорами
Мнѣ сказала (любовь моя!):
Что жалѣетъ и любитъ укорами
И не жаль ей ея бытія;

И біеньями благодатными
Сердце билось и пѣло мое—
И не могъ ей словами понятными
Я сказать, что люблю ее

XVIII

СМЯТЕНІЕ

Играетъ солнце мятежно
Въ лазури огневой;
Но она улыбается нѣжно
На голосъ неявный мой.

Какъ тамъ закатныя трубы
Гремятъ, привѣтствуя ночь;
Но морскія эти губы
Отходятъ такъ тихо прочь.

И вновь буреносные луки
Взрываютъ облачный стонъ;
Но она поднимаетъ руки
И міръ какъ легкій сонъ.

Тебѣ, время, не измѣрить
Безумья моего:
Ты не можешь повѣрить
Что она лишь и я, и вокругъ—никого

П. М.

XIX

СОНЪ

Yadwigha dans un beau rêve
(H. Rousseau)

Я смущенъ сомнѣньемъ нежданнымъ:
И мнѣ надо ли вѣрить ему?
Убаюканнымъ, обаяннымъ
Уплывать въ ревнивую тьму—

— Ты—мнѣ плотъ помогала строить,
О, богиня богинь, Калипсо....

(Пожалуйста, посмотрите эту картину
Анри Руссо.

(Вы знаете, я опечаленъ,
Что долженъ былъ такъ написать
Но отъ этихъ цвѣтущихъ развалинъ
Развѣ можно мнѣ убѣжать!)

Ты—теперь на воздушномъ ложѣ,
А вокругъ: такіе цвѣты
Развѣ кто нибудь, кто нибудь можетъ
Быть такою счастливой какъ ты!

Не чудесная ль пѣла намъ книга,
Какъ брели мы, дѣти равнинъ,—
Оглянись, оглянись, Ядвига,
Это я, забытый твой сынъ.

Я пришелъ въ незабвенныя кущи
Пѣть одной богинѣ хвалу;
Въ голубыя Ашатіи рощи,
Въ дорогую желанную мглу.—

Мнѣ крылатыя райскія розы
Обнимая, цѣлуя, любя,—
Говорящія птицы и розы
Обѣщали, обѣщали тебя.

Затомись ты, душа огневая,
На высокій на счастливый бой—
Громовержца, властителя мая
Повстрѣчая ударъ золотой

XX

Совѣтъ

> Je voulus l'embrasser pour lui fermer la bouche. mais elle me boudait encore
>
> (G. de Nerval)

Въ морозный день благослови
Камина быстрыя блистанья,
Капризный взоръ останови
И погрузи его въ пыланья.

О, взоры свѣтлые твои
Достойны стѣнъ церкви Сикстинской!
Одна:—передъ тобой Виньи,
И Обиньэ, и Баратынскій.

Россійской острой простотой
Смѣнивъ французскія химеры,
За Павловой, Растопчиной,
Бросаешь въ сторону Бодлэра,

Раблэ, Кузминъ и Апулей,
Гриффинъ и Платенъ—позабыты,
Да и Уайльдовскихъ затѣй
Прискучившіе хризолиты.

Вздохни;—взгляни же на снѣга,
На тѣни въ серебрѣ ліанъ ты,—
Не всѣ ли эти—жемчуга,
А тѣ не всѣ ли—брилліанты!

XXI

ОПАЛЪ

Какъ быстро плыли въ воздухъ нѣжный
Вы, призрачные корабли,
И уносили въ зарубежный
Край упованія мои;

Къ вамъ горько простирая руки,
Я, одинокій, умолялъ
На память о моей разлукѣ
Оставить маленькій опалъ.

И вы, таинственники неба,
Благословившіе мой край;
Волны возлюбленнаго хлѣба
И тотъ первоначальный рай,

Вы кормчему вручили бросить
Поблескивающій талисманъ—
(И вѣтеръ мнѣ его доноситъ,
Бросая въ глуби травныхъ странъ).

И, наклонившись, терпѣливо,
Онъ милостиво поучалъ,
Какъ мнѣ найти за дальней ивой
Подарокъ—маленькій опалъ

XXII

PRO DOMO MEA

Рука поднимется губительная
Съ ея блестящимъ топоромъ
И овладѣетъ ночь томительная
Моимъ болѣзненнымъ стихомъ.

Какъ поле затопляетъ рисовое
Вода, плодотворя посѣвъ,
Поэтъ молчитъ, строфу дописывая,
Обожествляя свой напѣвъ,

Но я смѣюсь, свой трудъ оканчивая,
Встрѣчая новую зарю:—
Мнѣ радостна судьба обманчивая
Туманскаго и Деларю

Ю. П. АНИСИМОВУ

XXIII

A LA MANIÈRE DE LOUIS BERTRAND

Вы, мысли, вѣрны оставались
Всему, что пышный мигъ сковалъ,
Когда сіяющій Новалисъ
Надеждой рокъ нашъ обольщалъ.

—

Небрежно золотя бумаги,
Закатный лучъ пришелъ ко мнѣ
И взоръ тонулъ въ вечерней влагѣ,
Въ ея прелестной глубинѣ.

Лучи играли и гоняли
Благоуханную струю,
А пальцы быстрые ласкали
Игрушку новую мою,—

На сей блистательной эмали—
Такъ вычурны и такъ легки—
Бурбонскихъ лилій не завяли
Серебрянные лепестки.

Мелькали милыя страницы
Какъ одинокіе часы,
А тамъ—привѣтствовали птицы
Алмазы первые росы.

—

Отъ жизни медленной спасайтесь
Въ патріархальный риѳмы храмъ,
Вы, мысли, вѣрны оставайтесь
Новалису и лепесткамъ

XXIV

ИГОРЮ СѢВЕРЯНИНУ

Тебѣ, поэтъ, дано судьбою
Извѣчный звонъ перелагать:
Надъ зацвѣтающей зарею
Нашъ горизонтъ пересѣкать:—

— Какъ огнедышащаго кубка
Горитъ таинственный упрекъ!—
Но только—бѣлизною юбка
Взметнетъ на небывалый рокъ!

Когда отверзнетъ съ Эмпирея
На насъ слетающій глаголъ
Жизни просторъ!—лишь два лакея
Кофе, шартрезъ несутъ на столъ.—

Своей косметикой космичной
Аллитераціей смѣясь,
Рукою бѣлой, непривычной
Разметываешь злую грязь:

Но оксюморонъ небывалый
Блеснетъ—какъ молнія—сгоритъ,—
Рукою—отчего же алой?—
Мелькнетъ и вотъ—испепелитъ!

Но осторожнѣе веди же
Метафоры автомобиль,
Метонимическія лыжи,
Неологическій костыль!

Тебя не захлестнула бъ скверна
Оптово-розничной мечты,
Когда срываешь камамберно
Ты столь пахучіе цвѣты.—

Пѣвцамъ—довлѣетъ мигъ свободы,
Позера—праведенъ изломъ:

Предупредить не долженъ годы
Ты педантическимъ перомъ

XXV

ДРУЗЬЯМЪ

Радушно рабствуетъ поэту
Животворящая мечта
(Н. Языковъ)

Иной удѣлъ намъ невозможенъ
И милымъ небомъ не сужденъ!
Удѣлъ единственный;—и онъ,
Онъ, благовѣстникъ нашъ—неложенъ,

Неуслѣдимъ, высокъ и юнъ—
Судьбы заложникъ и подарокъ,
Онъ ослѣпителенъ и ярокъ:
Совѣтъ и воля бога струнъ.—

И надъ нестройнымъ плескомъ криковъ
Гори, приказывай, мета:—
Земли цвѣтущая мечта,
Которой былъ плѣненъ Языковъ

Н. Н. АСѢЕВУ

XXVI

ПОСЛАНІЕ КЪ ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

Тебѣ цѣлителемъ да будетъ
Мой голосъ отъ иныхъ отравъ!

Ахъ, сердце вѣчно не забудетъ
Анафорическихъ забавъ,
Эмблематическихъ скитаній
Апострофическій возгласъ!

— Все прелугадано заранѣ
На каждый мигъ, на каждый часъ,—
И намъ невѣрную дорогу
Рокъ сокрыватель указалъ:

Гиперболической тревогу
Не разъ нашъ разумъ называлъ,

Горите, зорь такихъ пожары,
Въ жизнь, обездолившую насъ!
Но нашъ напѣвъ еще не старый
И съ нимъ, и въ немъ—авроръ атласъ.

Отвергнемъ хилаго невѣжду,
Высокозвонныхъ болтуновъ,
Зане намъ ясную надежду
Подать однажды былъ готовъ....

Ты знаешь кто!—чье гостья имя,
И въ чей суровый сонъ кудрей
Влекомъ я розами моими
Отъ хитрыхъ markdown козноденевъ дней;—

Но въ бѣдной бурѣ, въ алчномъ горѣ
И ей весь міръ—одинъ призракъ,
Далеко уходящій въ море,
Изъ «Снѣжной Маски» полумракъ.

Но, сберегая эту лиру
Искусства радуги,—намъ пѣть
Родному, золотому міру
И въ тяжкій сумракъ улетѣть,—

И пусть «нутра» глашатай—воронъ—
Кричитъ, что міръ нашъ—въ два шага:
Анаколуѳъ и оксюморонъ
Тогда воздвигнемъ на врага

XXVII

ЗАВѢТЪ

Зажегъ ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ ленъ, елеемъ напоенный,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ
(А. Пушкинъ)

Душа! вотще ты ожидала
Въ своей недремлющей молвѣ,
Любовь холодная сіяла
Въ ея нетлѣнномъ торжествѣ,—

Но, опровергнувъ наши кущи,—
Какъ нѣкій тяжкій катаклизмъ,
Открылъ намъ берега и пущи,
Благословенный символизмъ!

Всечасно измѣняя лица
Надъ ярымъ грохотомъ зыбей,
Онъ орліи вперялъ зѣницы,
Тать богоравный Прометей!

Воздвигнулась надъ городами
Его единственная длань—
И длань его была какъ пламя,
Его таинственная дань.

Онъ, возлюбившій, возрастившій
Сердце безпечное мое,—
Онъ, въ смертной бурѣ пріютившій
Мое ночное бытіе,—

Онъ, неисповѣдимой тучей
Нашъ озарившій небосклонъ,
Онъ—непокорный, онъ—могучій,
Онъ:—жизнь,—любовь,—мечта—и сонъ,—

Надъ ясной старицей вселенной
Онъ сердце жаркое открылъ—
И огнекрылый, и блаженный
Какъ оный вѣстникъ Гавріилъ!

Душа, ты дней начальныхъ—слово,
Перегори въ его огнѣ—
И жадно трепета ночного
Вкуси!—и стань въ палящемъ днѣ!

ЗДѢСЬ КОНЧАЕТСЯ
ВТОРАЯ КНИГА

ЗДѢСЬ НАЧИНАЕТСЯ
ТРЕТЬЯ КНИГА

Je sentis amèrement que j'étais un passant
dans ce monde à la fois étranger et chéri

(G. de Nerval)

Frères humains qui après nous vivez,
N'aiez le coeur contre nous endurcie

(Fr. Villon)

I

РЫДАНІЯ

Моя жена въ гробу лежала
И я рыдалъ у ногъ ея,
И такъ безумно уставало
Сердце разбитое мое.

На небесахъ въ сіяньяхъ вольныхъ—
Неотвратимые пути, —
Зачѣмъ же въ горестяхъ безбольныхъ
Отъ нихъ я не могу уйти!

Зачѣмъ разящею стрѣлою
Меня не поразила, Смерть—
— Она идетъ теперь къ покою
Въ свою безропотную твердь.

Оконченъ подвигъ многотрудный,
Настало душу упоить—
— Зачѣмъ въ полянѣ изумрудной
Ты плакать захотѣлъ и жить!

Надъ грозовою глубиною,
Надъ изможденною стезей,—
Слѣпецъ, за нищею судьбою
Влачись въ тяжелошумный бой.

Въ гробу безумной расцвѣтая
Лежитъ спокойна и свѣтла;
Зарницы золотыя рая
Ты мнѣ на землю принесла.

Но стерто все рукой желѣзной
И неизбѣжною судьбой,
Зане была ты безвозмездной
И здѣсь помедлила со мной.

Безумно сердце уставало:
Теперь—погибло все мое!
Моя жена въ гробу лежала
И бился я у ногъ ея

II

РАБЪ

Я рабъ грѣха
(Вл. Соловьевъ)

О, въ этомъ топотѣ и шепотѣ
Все новое здѣсь для меня:
Шумъ площади и эти лошади
И бѣшеная пляска дня.

Какъ сонъ, какъ сонъ вы, пальмы милыя,
Поля и хижины мои
И хищники ширококрылые,
И рѣкъ тяжелыя струи.—

Цѣпями рѣжущими сдавленный
Передъ толпой я обнаженъ—
Я—солнцемъ яростнымъ отравленный,
И всѣмъ, что было—явь и сонъ!

Сосѣдъ съ прогорклыми оливками
Протягиваетъ руку мнѣ.
И мысли пробѣгутъ обрывками
Въ бунтующей нетишинѣ,—

И страненъ знакъ сторожу поданный—
И я блѣднѣю отъ стыда:
Обманомъ пойманный и проданный
Иду, иду—куда? куда?

III

ПОБѢГЪ

Mourir au fleuves barbares
(A. Rimbaud)

Цвѣтовъ томительныя тѣни
Не оживляли злого дня,
Я забывалъ часы смиреній
И годы долгаго огня.

Одно изгнаніе манило,
Далекихъ странъ невѣрный путь:
У топкаго рѣчного ила
Подъ солнцемъ огненнымъ уснуть.

У бирюзовыхъ, серебристыхъ,
У тихозвонныхъ, ясныхъ рѣкъ—
У пальмъ звенящихъ и душистыхъ,
Гдѣ не томился человѣкъ,

Гдѣ слезъ покинутыхъ, безумныхъ
Не видѣла еще земля,
Гдѣ пропасть водъ широкошумныхъ
Скрываетъ мертвыя поля,

Гдѣ одиноко и безбольно
Забуду, нѣжный, о быломъ,
Гдѣ небо будетъ богомольно
Вздыхать о счастіи моемъ.

Тамъ, позабытый, равнодушно,
Сбирая корни и плоды,
Брести я буду въ полдень душный
И спать на пальмѣ у воды.

Страна моя, страна родная,
Ужель отвергнешь ты меня!
Отъ богоизбранннаго края
Въ солнца безумныя края

Б. А. САДОВСКОМУ

IV

СПУТНИКЪ

Не улетай, не улетай!
Живой мечты очарованье!
(Н. Языковъ)

Крылатое очарованье,
Не покидай мой бѣдный край!
Здѣсь только жгетъ воспоминанье
И холоденъ и горекъ май.

Очарованье легкокрыло,
Его дыханіе—мечта;
Оно идетъ тропою милой,
Надъ нимъ сіяетъ высота.

Очарованіе крылато,—
И что́ ему земная сонь!
Оно иной жизнью богато
Иной ему горитъ огонь.

Но легкихъ крылъ, очарованье,
Ты не опустишь надо мной;—
Не покидай, очарованье
Мой путь холодный и пустой

С. Я. РУБАНОВИЧУ

V

ТЛѢННОСТЬ

Какъ видѣнія вечера тлѣнны!
Только къ нимъ возвращаться—любовь,—
Ты скитальцевъ воздушной вселенной
Пѣсней радостною славословь:

— Тамъ заплещетъ и облакъ твой—вѣщій;
Оглянись—и вокругъ никого!—
Это бѣдныя тлѣнныя вещи
Тайно мучатъ врага своего:—

— Обреченная, милая тлѣнность!
(Въ упоительный твой кругозоръ)—
На безумную жизнь, на смиренность
Встать на каменный, мѣрный просторъ!—

Расточи несказанную младость
Освѣжительною темнотой!
Ты—печаль, упоенье и радость,
Мы—бѣжимъ, мы поемъ за тобой

Б. Н. БУГАЕВУ

VI

КАМЕННАЯ БАБА

Въ степи сѣдѣющей курганъ
Ты издали замѣтишь темный,
На немъ—горбатый истуканъ,
Онъ сѣрожелтый и огромный.

На степи онъ и на закатъ
Бросаетъ неживые взоры,—
На дымы отдаленныхъ хатъ,
На возмущенные просторы.

Ты издали къ нему взирай,
Въ гигантскую обрубка муку.
Подниметъ на печальный край
Онъ неослабнувшую руку;

Онъ издали кивнетъ—и нѣтъ:
Стоитъ какъ встарь окаменѣлый,—
Онъ—непостигнутый, поэтъ—
Подъемлетъ каменное тѣло.

Онъ разобьетъ, загрохотавъ,
Твои лукавыя рѣченья
И опрокинетъ въ зыби травъ
Жизни отвергнутой мгновенья.

Встрѣчай же жизнь! остановись
Передъ восторженнымъ полетомъ;
Разверзнетъ трепетная высь
Облакъ—пустѣющимъ кіотомъ.

Слѣди, прикованный къ землѣ,
Какъ онъ несется величавый
И тонетъ въ тучи ярой мглѣ,
Въ блистаніяхъ закатной славы.—

Мгновенный сонъ! земной обманъ!
И не было его нелѣпѣй!—
И на курганѣ истуканъ
Сурово озираетъ степи.

М. М. С.

VII

ARABESQUE DIVINE

Звѣзда развалинъ!

(Вяч. Ивановъ)

И на обломкахъ жизни старой
Какимъ завѣтомъ утвердясь,
Не вы ли, сладкогласной чарой
На хладный берегъ появясь,

И въ этихъ пагубныхъ печаляхъ,
Въ неуспокоенной игрѣ
О бѣдныхъ замечтались даляхъ,
О той, небудущей порѣ,

И неторжественному міру
Неся разувѣреній новь;—
Золотозвонную порфиру
И въ міръ воззвавшую любовь,

Какъ перстень съ голубымъ сапфиромъ
Въ глубокій кладязь уроня
(Къ прекраснодышащимъ эѳирамъ
Насъ уносившимъ въ волны дня),

Вы говорите: «Вѣрны плески
Той возмутившейся воды,
Божественные арабески,
Мои печальные слѣды»

VIII

ПИСЬМО ПЕРЕГРИНУСУ ТИССУ

Quant il faisait beaux temps au paradis perdu
(T. Corbière)

Пора бы вспомнить Вамъ, милѣйшій Перегринусъ,
О злой, о горестной земной судьбѣ моей:
Куда изнеможенъ и ослѣпленъ не ринусь
Вездѣ ледяный блескъ покинутыхъ степей.

И дни безумные я искусомъ умножилъ
Надъ бѣдною душой какъ нѣкій стражъ стоялъ
И горе не изжилъ, и марево не прожилъ,
И міръ привычный мой все тѣмъ же былъ и сталъ.

Вы странной хитростью отвергнули обманы,
Вы сами бросились въ высокій океанъ,
Рукой прилежною исправили изъяны
Судьбы и приняли какъ царь ея туманъ.

Такъ: Васъ я узнаю и разрываю цѣпь я,
Которой безмятежно оковались Вы
Среди невѣдомаго намъ великолѣпья,
Среди пурпурнѣйшей, взывающей листвы.

И Вамъ ли не понять всѣ тайныя невзгоды,
Всѣ раны, всѣ мечты, всѣ копья алчныхъ дней,
Стражъ царственной своей ликующей природы,
Взлелѣянный огнемъ живыхъ ея лучей

ЕГО КОРОЛЕВСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
КОРОЛЮ ЧЕРНОГОРСКОМУ НИКОЛАЮ I

IX

ВОИНА

Не наши хилыя печали
Для наблюденія избравъ,
Мы бѣгъ безумный созерцали
Судьбы роскошнѣйшихъ забавъ.

Химеръ исторгнутыя тѣни
Какъ свѣтлый ратникъ побѣдитъ,
Токъ предначертанныхъ стремленій
Своею кровью подтвердитъ;—

—Тамъ, гдѣ земля изнемогаетъ,
Познавъ властителя вѣнецъ,
Гдѣ злоба тяжкая вскипаетъ,
Влача свой гибельный конецъ;—

Тамъ, отвоевывая сферы,
Гдѣ пробѣгаютъ сновъ струи,
Летятъ въ глубокіе брустверы
Шрапнелей огненныхъ рои

И на трепещущія нивы,
На склоны каменныхъ громадъ—
Холодный, мѣрный, горделивый—
Свистъ, шипъ и перезвонъ гранатъ:

Ихъ безпощадныхъ траэкторій
Математическій уклонъ
Въ великомъ воздвигаетъ спорѣ
Единственный всемірный тронъ

X

МУЗЫКА.

—На отцовъ забытыя нивы
Съ горныхъ и вольныхъ пастбищъ
Какъ буйный вѣтръ (потекли вы)
Въ печали уснувшихъ кладбищъ,

И ваши гимны звенѣли,
Создавая и множа укоры;
Вы отринули цѣпи и пѣли,
Завоевывая просторы,—

(Но горней душѣ въ долинѣ
Печали міръ уготовилъ),—
Вашъ голосъ въ чуждой пустынѣ
Родные льды славословилъ,—

Это—радость,—это— нѣга ли
Иль временъ златистый дымъ?—
Ручки маленькія бѣгали
Вдоль по клавишамъ крутымъ!

—На морскомъ берегу опустѣломъ
Ходилъ онъ—юнъ и печаленъ;
А въ небѣ высокомъ и бѣломъ
Облака,—города развалинъ,

И онъ создавалъ ихъ и множилъ,
Но сердце смѣялось и билось
И духъ его плѣнный ожилъ,
И родная земля—раскрылась,

И послалъ онъ (волну за волною)
Своей бунтующей скорби—
И вѣтеръ несъ ихъ съ собою
Въ своей хранительной торбѣ.—

От таинственнаго бѣга ли
Отдыхаешь, сномъ палимъ?
Ручки маленькія бѣгали
Вдоль по клавишамъ крутымъ...

XI

EINE ALTE GESCHICHTE

Несутся просторы и годы
Блестящею чередой
И сны желанной свободы
Проходятъ тѣнью ночной.

И тѣ же улыбки природы
Живутъ надъ нашей мечтой.

И есть гдѣ то легкое сердце,
Которое никого не любитъ
И не помнитъ меня.

(Милое сердце,
Которое всѣхъ любитъ
И помнитъ меня!)

И я въ гульливомъ потокѣ,
Я чей то жалобный вздохъ,
Веселый и одинокій
Держусь за тоненькій мохъ.

Несусь въ океанъ глубокій
И путь мой уже пересохъ.

И зачѣмъ ты здѣсь, легкое сердце,
Вѣдь ты никого не любишь
И не помнишь меня...

(Только ты, милое сердце,—
Вѣдь ты всѣхъ любишь
И помнишь меня!)

XII

ГОСТЬЯ

Дай мнѣ погибнуть отъ отчаянья!
(Т. Гофманъ)

Эта гостья была вся въ черномъ,
Ей не о чемъ было мечтать;
И они говорили о смерти
И о сладости умирать.

И когда она уходила,
Онъ тихо напомнилъ ей
О томъ, что бѣдное сердце
Устало отъ быстрыхъ дней.

И тогда она улыбнулась
И въ отвѣтъ шепнула ему,
И слова ея пронизали
Безцвѣтную тьму.

И когда онъ вкладывалъ въ браунингъ
Золотой, блестящій патронъ,
Онъ хотѣлъ потомъ къ ней явиться
И сказать, что счастливъ онъ

XIII

ГОРЕ

Я предаюсь опять покою
И сердцу говорю:—Забудь!—
Почудится стукъ за стѣною:
— Войди, садись и гостемъ будь.

Но тишина спокойно дремлетъ
Усталая и я одинъ
И лишь портретъ тоскливый внемлетъ
Какъ тянется холодный сплинъ.

Но ночь входящая затворитъ
Заботливо и тихо дверь
И я забытъ въ гробницѣ горя
Твержу обманное:—Не вѣрь!

Но сердце знаетъ безнадежно
Какъ равнодушна тишина
Какъ тихо и легко, и нѣжно
Душа къ тоскѣ пригвождена

XIV

ВАЛЕРІЮ БРЮСОВУ

Когда душою угнетенною
Владѣетъ сонъ людскихъ рѣчей,
Какою пѣснью благовонною
Тебя привѣтить мнѣ милѣй!

Но въ зала прелести размѣрныя
Ты появляешься—ничей
Въ неуслѣдимыя, невѣрныя
Мельканья взоровъ и огней.

И остро рѣзокъ лобъ морщинистый,
Скулы безумный поворотъ:—
И ты уже надъ влагой тинистой
Надъ зыбями запѣвшихъ водъ.—

Сжимаютъ четко руки тонкія
Здѣсь лѣтопись судьбы твоей;
О, эти строки мѣднозвонкія,
Рыданья родины моей!

И—послѣ тяготы томительной,
И перемѣнчивыхъ суетъ—
Своею влагою цѣлительной
Ты указуешь грани бѣдъ.

И голосъ предостерегающій,
Прельстительные вызвавъ сны,
Встаетъ какъ призракъ быстротающій
Неизрѣченной тишины

Э. К. МЕТНЕРУ

XV

МУЗЫКА И ПОЭЗІЯ

I

De la musique avant toute chose...

Спокойнымъ и короткимъ жестомъ,
Простясь съ холоднымъ жизни сномъ,
Онъ взмахиваетъ надъ оркестромъ
Своимъ пылающимъ жезломъ.

Какъ птицъ испуганная стая,
На мѣрный отвѣчая зовъ,—
Какъ неожиданная стая,
Какъ стая быстрокрылыхъ совъ;

— Къ садамъ шумящимъ Ханаана,
Въ богоуказанный предѣлъ!—
Непостижимаго тумана
Расторгнуть гибельный раздѣлъ!

На кручахъ огневѣетъ посохъ,
Паритъ восторженный тимпанъ:
Почій въ ея безумныхъ косахъ,
Недостижимый Ханаанъ!

....Спокойнымъ и холоднымъ жестомъ,
Простясь съ мгновеннымъ жизни сномъ,
Застылъ надъ замершимъ оркестромъ
Онъ съ амарантовымъ жезломъ

II

De la Poèsie après toute chose...

Сей—немятежный, обычайный
Въ своемъ походномъ сюртукѣ:
И неописанная тайна
Опять въ измученной рукѣ.

На солнца мертвенныя нивы
Покинувъ жизни жемчуга,
Ты видѣлъ, милый, горделивый,
Тѣ—совершенные снѣга!

Довольно! жизни багряница
Копьемъ суда поражена,
Его побѣдная десница
Надъ ней какъ тѣнь вознесена.

Орелъ! ты нѣжными словами
Свой изукрасилъ дымный крестъ;
Твое зализываетъ пламя
До серебристыхъ кроткихъ звѣздъ;

Прости желанная свобода,
Иной намъ блещетъ огнецвѣтъ:
Улыбкой страстною природа
Тебя привѣтствуетъ, Поэтъ,—

Намъ лишь тебя хвалить прилично,
Когда престанемъ землю влечь
Лишь ты навѣки гармонична,
Поэта медленная рѣчь

XVI

КЪ ПОРТРЕТУ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА

Горделивый и свободный,
Чудно пьянствуетъ поэтъ!
(Н. Языковъ)

Вы, древле пламенные миѳы
Души свѣтили горній снѣгъ!

На склонѣ италійскихъ нѣгъ,
Какихъ не вѣдали калифы,
Возросъ и въ ясный прянулъ день
Такой напѣвъ высокопарный!

Въ небесъ громадѣ лучезарной
Ты, днямъ ревнующая тѣнь,
Ширяясь и надъ нами нынче
Въ лучахъ старѣющихъ зѣницъ—
И подъ оплотами границъ
Какъ искусительный да Винчи;—
Подъявъ невѣдомый вѣнецъ,
Ты бросила въ истомы свѣта:
Непокореннаго поэта
Неизгладимый образецъ

XVII

БѢГСТВО

Кляни свой мечъ, оратай—плугъ,
Кисть и цѣвницы отзвукъ вялый;
Но близокъ неизмѣнный другъ,—
Мужайся, путникъ запоздалый;

Надъ Пушкинымъ летятъ вѣка,
Летятъ—погибнуть въ безднѣ цѣльной:
Такъ опечалена строка,
Такъ близокъ холодъ запредѣльный!

И жизни тусклыя черты,
И мигъ жестокій упованій —
Пойми, прости—и ты, и ты,
Любимецъ призрачныхъ скитаній.

Вновь отъ зеленыхъ, влажныхъ пущъ,
Бросая шумный лѣсъ весенній—
Гудящій пронесется хрущъ
Въ дремотъ лепечущія сѣни.

Летятъ, летятъ,—поютъ вѣка
Надъ Пушкинскою вышиною:
Привѣтственная ихъ тоска
Безсмѣнною горитъ зарею.

— Весной и ты, простясь, уйдешь
Искать хоть признака живого;
И въ странствіе съ собой возьмешь—
Языкова и Коневского

Т. Ч.

XVIII

ВЕСНА

И я, какъ жилъ, въ странѣ чужой
Умру рабомъ и сиротой
(М. Лермонтовъ).

Весна сіяла въ синемъ кругозорѣ;
Какъ милая съ безпечною улыбкой
Звала—и радости свои умѣла
Отдать, отдать безъ жалобы. И кто
Сказалъ бы въ этотъ ясный вечеръ
Высокій и пахучій, что и здѣсь
Придется видѣть намъ такую муку,
Придется вспомнить горькіе намеки,
Что въ книгахъ стихотворцы разбросали.

Спускались здѣсь малиновыя шторы
На тонкій, сѣрый призрачный коверъ,
Изъ шкапа книги мирныя смотрѣли;
И на массивномъ письменномъ столѣ—

Бумаги. На столахъ кругомъ портреты
И снимки съ мозаикъ.
И все
Исполнено такой печали кроткой,
Что очервоненныхъ лучей огни
Казались смущены своею грустью.

Не такъ, быть можетъ, сказываю я,
Быть можетъ было проще и спокойнѣй,
Но лишь подумаю:
Мнѣ хочется заплакать,
А говорю, что знаю, безъ утайки,

А самъ хозяинъ простъ и благороденъ
И руки тонкія, и голосъ слабый —
Онъ на диванѣ съ книгою въ рукахъ
Теперь не вспомнить мнѣ названье книги,
Но помню: было модное изданье
Съ обложкой бѣлою.
Такъ онъ лежалъ,
Спокойно онъ глядѣлъ, разсѣянный;
И книгою онъ не былъ увлеченъ.
Не думалъ онъ о графикѣ старинной
И о стихахъ, которымъ жизнь онъ отдалъ;
И мигъ казался страннымъ и невнятнымъ—
Казалось, время въ сѣромъ кабинетѣ
Погибло. Все неслось безмолвно
И думать ужъ не могъ онъ ни о чемъ,
И только думалъ онъ—зачѣмъ несчастье
Такими вѣрными идетъ стопами,
Зачѣмъ онъ въ жизнь пришелъ
Зачѣмъ любилъ, дружился и таился,
Зачѣмъ искалъ чужого одобренья,—
И эти мысли—праздныя, пустыя

Готовы были сердце разорвать.
И постепенно замерли заката
Багровыя преданья—и стемнѣло;
Онъ всталъ, позвалъ слугу и вышелъ,
Одѣтый столь корректно и прiятно—
И больше мы его ужъ не встрѣчали.
Потомъ—ходили слухи.... Кто ихъ знаетъ;
Но мы съ нимъ дружны были, такъ что намъ
Ихъ повторять теперь и не годится

E. M.

XIX

ЗЕМЛЯ

L'asur! l'asur! l'asur!

(St. Mallarmé)

Я въ оковахъ, въ оковахъ, въ оковахъ,
Я въ цѣпяхъ, молодая земля!
Въ дальнихъ тучахъ, лиловыхъ, суровыхъ
Я несусь, мои сны пепеля.

Серебрятся мои покрывала,
Леденѣютъ мои уста,
Надо мной раскрываться устала
Безпощадная пустота.

Путь далекій мнѣ звѣзды означатъ
Звѣзды, мудрыя дѣвы небесъ—
Вѣтеръ (слезы болящія!) плачетъ
Зимнихъ заиндевѣвшихъ очесъ!

Но на южныхъ златистыхъ пустыняхъ
Я сокровище мое пронесу!
(Лейся свѣтъ изумрудныхъ и синихъ
Звѣздъ, поддерживающихъ косу!)

Сынъ любимый! тобою хвалима,
Я пройду чрезъ вѣка и вѣка,
Пока, кровію не обагрима,
Не взнесется Губящей рука;—

И тогда, отдѣлившись отъ тлѣна,
Ты взнесешься—суровъ и одинъ
Непокорный и гордый изъ плѣна,
О, мой сфинксъ! о, мой царственный сынъ!

И пріемля и вновь отвергая
Ты—гармонія,—слава небесъ,—
Ты—на пажитяхъ новаго Рая
Будешь чудомъ его чудесъ!

Н. А.

XX

ИГРА ВЪ КОСТИ

О счастіи съ младенчества тоскуя....
(Е. Баратынскій)

Любовь въ одеждѣ сѣрой пилигрима,
Безуміе—таинственные гости!
Но жизнь мою играю съ ними въ кости
И Скорбь проходитъ улыбаясь мимо.

И говоритъ—темно окрылена:
— Игрокъ безумный! Вотъ мой ясный путь,
Спѣши, спѣши Надежду оттолкнуть,
Мой даръ:—покой и мрака тишина!

Я отвѣчалъ, Безумьемъ очарованъ:
— Еще ударъ,—о, подожди немного,—
И станетъ призракомъ моя тревога,
Безславно ею я теперь закованъ!

И ты—плащомъ крылатымъ надо мной
Взмахнувъ—Любовь, свою держала рѣчь:
— Мой сладостный тебя вѣнчаетъ мечъ,
Не будешь ты со скорбной тишиной!

И кости стукнули, и снова, снова,
Игрою ослѣпленъ, глядѣлъ я жадно,
И Скорбь заплакала такъ безотрадно,
Скорбь міра милаго и золотого;

И звукъ рыданія ея упалъ;
Любовь ко мнѣ склонилась тихо вдругъ
И протянула пальцы блѣдныхъ рукъ....
— Благодарю васъ,—да, я проигралъ!

XXI

БОРЕНІЕ

И такъ я измученъ душою
(Ив. Коневской)

Я въ долинѣ протягивалъ руки:
Далека, далека—моя звѣзда,
А на высокіе віадуки
Взлетаютъ черные поѣзда.

Уносятся, хвостомъ желѣзнымъ
Твердь сквозящую исчертивъ,
Указуя громомъ безполезнымъ
Мой земной, мой дрожащій призывъ.

А когда то: парусъ срывали
И ложилась на руль рука—
Безмятежно мы отплывали
На невѣдомый островъ Ка.

Что там́ъ было,—нѣтъ, не извѣдать
И устами не разсказать,—
Нѣтъ—простую муку отвѣдать
Нѣтъ—стремительно изсякать!

Этой жизни, такой непонятной,
Несказанно жалящій горнъ;
Этотъ танецъ измѣнный, внятный
Безначально торжественныхъ формъ!

И на дали моихъ окраинъ
Свѣтъ ложится жесткій—дневной;
О, великій міра Хозяинъ,
О, не вниди въ судъ со мной!

Какъ пресвѣтлая райская птица,
Сердце сирой любовью полно,
Но достойно Тебѣ помолиться
Этимъ мертвымъ устамъ не дано.

Какъ тяжелыя, злыя пени
Какъ мнѣ жизнію побороть
Въ ненавистной пляскѣ мгновеній
Укажи, помоги мнѣ Господь.

Если, Господи, сердце не въ силахъ,
Гдѣ же муки безстыдной конецъ,—
Неужели на этихъ могилахъ—
Тотъ же грустный и мирный вѣнецъ

XXII

САДЪ ГОСПОДЕНЬ

Аще забуду тебя, Iерусалиме,
забвенна буди десница моя
(Псаломъ CXXXVI)

Приведи, Господь, меня
Въ эту свѣтлую страну.

Тамъ растетъ высокiй садъ—
Эго свѣтлая любовь,
Тамъ о злыхъ не говорятъ,
Тамъ—сiянье славословь.

Тамъ любви пресвѣтлой сѣни
Въ нихъ звенитъ свирѣльный звонъ,
Успокоенныя тѣни
Берегутъ твой сладкiй сонъ.

Тамъ высокая ограда,
Безвремéнны небеса
И любви твоей награда
Будетъ лирная краса.

Тамъ на весяхъ, на рѣкахъ
Тамъ предивный вертоградъ,
Тамъ страдальца напоятъ
И земной забудетъ страхъ.

Тамъ сiянiя огня
Озаряютъ тишину.

Приведи, Господь, меня
Въ эту свѣтлую страну

1911

ЗДѢСЬ КОНЧАЕТСЯ
ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ
КНИГА

ПРИМѢЧАНІЯ

Нерѣдко встрѣчающіяся въ моихъ ямбахъ хореическія стопы (напримѣръ, стр. 41 и др.) суть, въ большинствѣ случаевъ, хоріямбы паузной формы «с» (см. Андрей Бѣлый «Символизмъ», стр. 278). Это не нововведеніе. Не часто но хоріямбы «с» встрѣчаются въ русской поэзіи; такъ, напримѣръ, у Языкова: «Змѣи ужасныя шипятъ», у Тютчева: «И безпомощнѣй и грустнѣй», у него же: «Въ кустахъ зелени поетъ» * etc.; аналогичный ходъ въ хореѣ — у Брюсова: «Иду скоро въ домъ свой я» etc. Существованіемъ такихъ хоріямбовъ рѣшается ритмическій споръ о необходимости указанія паузной формы обыкновеннаго (формы «b» — «Пурпуровый сводъ отразишь») хоріямба; ибо, разъ существуютъ хоріямбы иныхъ чѣмъ «b» формъ, то они всегда должны быть оговорены. Несомнительно, что для рѣшенія этого спора, количество такихъ хоріямбовъ значенія не имѣетъ. — Возможны хоріямбы «d» и «d_1», напримѣръ: «Радуйся, милый, день насталъ» и —«Сладостные твои огни».— Относительно благозвучія:—врядъ ли какая нибудь «a_1» благозвучнѣй хоріямба «с». Однако же долгіе хоріямбы расширяютъ формальныя поэтическія возможности, а въ томъ, на нашъ взглядъ, лежитъ

* Въ другихъ изданіяхъ: «Въ кустахъ зелени...»; рукописный текстъ намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ.

оправданіе ихъ существованія. (Сіе блистательно доказано—относительно свободнаго стиха — Валеріемъ Брюсовымъ въ предисловіи его къ первому изданію «Urbi et Orbi»).

§

Въ трехдольномъ паузникѣ автора интересовала главнымъ образомъ, трибрахоидная пауза на второй стопѣ (⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ ‖ ⏑ ⏑ —), чѣмъ и объясняется обиліе такихъ строкъ.

§

Нѣкоторыя стихотворенія, довольно длинныя, представляютъ изъ себя одну фразу. Въ иныхъ случаяхъ это преднамѣренно. Авторъ полагаетъ, что такое строеніе яснѣй утверждаетъ единство формы и содержанія, являясь среднимъ между ортодоксально понимаемыми формой и содержаніемъ.—Стихотворенія, претендующія на принадлежность свою къ Символической школѣ, нерѣдко массой своихъ метафоръ построяютъ нѣкую иную—«большую», изъ всего стихотворенія возникающую, метафору (эта метафора получаетъ сіе названіе лишь при формальномъ ея разборѣ); она одна; ею, для нея и черезъ нее существуетъ стихотвореніе (и обратно); но въ случаѣ многихъ отдѣльныхъ фразъ-строкъ, читатель получаетъ какъ бы рядъ точекъ, на которыхъ онъ и долженъ построить желаемую стихотворцемъ геометрическую фигуру (большую метафору). Но на трехъ точкахъ окружности можно построить и кругъ, и треугольникъ. Получая три точки, чтецъ строитъ треугольникъ, строитъ къ точкамъ наклонныя и получаетъ пира-

миду. Если же данъ непрерывный токъ возникающихъ точекъ (но и исчезающихъ;—въ этомъ слабость метода), онѣ сами строятъ кругъ и чтецъ своимъ творчествомъ утверждаетъ на немъ конусъ. Но конусъ совершеннѣй пирамиды.—Такимъ образомъ чтецъ, казалось бы, стѣсняется въ своемъ противутекущемъ творчествѣ, но это не такъ.—Лирическія (и иныя) ассоціаціи чтеца остаются незатронутыми. Такъ о навязываніи (которое всегда присутствуетъ, и которое эмпирически есть цѣль поэзіи —и самая первая, и самая послѣдняя) въ грубомъ смыслѣ нельзя говорить, ибо стихотворецъ не властенъ надъ аперцепціей чтеца. — Но единства другъ къ другу влекущихся творчествъ — чтеца и автора — отъ этого выигрываютъ, а это есть кардинальный критерій всякой формы, ибо лирическое познаніе базируется на сихъ единствахъ.

§

Въ стихотвореніи «Предчувствіе» (стр. 17) внутренняя форма сонета разрушена внѣдреніемъ въ первый терцетъ двухъ строкъ, продолжающихъ тезу сонета; такимъ образомъ, это стихотвореніе сонетомъ не является и потому напечатано сплошь.

§

Въ стихотвореніи «A la manière de L. Bertrand» авторъ пытался примѣнить хитрый методъ Бертрана,—методъ, такъ сказать, двойного дѣйствія, нарушающій единство времени и мѣста. Возможно углубить понятіе его. И тогда онъ станетъ болѣе высокимъ и героическимъ. И такъ его утончая —
э мъ:—«Житейская философія кота Мура» Гоф-

мана, сказки Новалиса, «Озаренія» Римбо, «Строитель Сольнесъ» Ибсена и «Орелія» Жерара де Нерваля. У Гофмана пріемъ сей нарочитъ и не на лирическія часто цѣли направленъ, у Бертрана онъ тоньше.

§

Авторъ предвидитъ упреки въ сложности и нарочитости синтаксиса. Но его запутанность (нерѣдко, между прочимъ, зависящая отъ инструментовки) въ большинствѣ случаевъ есть лирическій пріемъ возмушенія извѣстной стихіи, для принятія доминирующихъ буквъ и образовъ. Нерѣдко онъ есть лишь даяніе и разрѣшеніе диссонанса. Въ извѣстной мѣрѣ, авторъ могъ бы сослаться на синтаксисъ Баратынскаго, Тютчева, Павловой, Фета. Вообще же «простота» синтаксиса есть почти всегда принадлежность (весьма симптоматическая) мадригальныхъ, не лирическихъ стихотвореній.

§

Стихотвореніе «Игра въ кости» написано подъ вліяніемъ построеній Д.—Г. Россетти.

Москва январь, 1913.

ПРИЛОЖЕНІЕ

(о новой иллюстраци)

Прилагая къ книгѣ своей иллюстраціи, которыя Вы, Милостивый Читатель, только что разсматривали „съ любовью иль злобой“, автору естественно желательно оправдать такое украшеніе книги въ глазахъ тѣхъ, кто пожелалъ бы спросить о причинѣ и цѣли таковой затѣи.

О томъ и будутъ говорить дальнѣйшія строки. —Но авторъ долженъ оговориться: онѣ не предназначены для немногихъ—увы—приверженцевъ и любителей живописи, которымъ и безъ нихъ хорошо понятно и дорого значеніе работъ Наталіи Гончаровой въ русскомъ искусствѣ.

— Нужны ли иллюстраціи вообще?.... Вопросъ такой часто ставился и ставится, но прямого отвѣта на него не можетъ быть—ибо возможны различные принципы иллюстрированія.

Обыкновенная, привычная намъ иллюстрація всякихъ романовъ дѣйствительно вещь глубоко ненужная и лишь вводящая издателя въ лишніе расходы. Въ самомъ дѣлѣ: какъ поможетъ мнѣ уразумѣть глубокія волненія души Онорэ Бальзака—рисунокъ стиля Бугро и почему авторъ его столь увѣренъ, что мужчина, на немъ изображенный, именно дядюшка Горьо? Такимъ былъ сей персонажъ въ его представленіи?—Но это дурнѣйшій импрессіонизмъ.—Такая иллюстрація прощена быть можетъ: въ случаѣ глубины художественной ея цѣн-

ности. Но тогда, — почему (и зачѣмъ?) она иллюстрація?

И это было понято, — появилась иллюстрація другого типа: книголюбительскаго, назначеніе которой—лишь украсить страницы книги. Она порывала со стремленіемъ что либо объяснить читателю. Художнику давалась книга, содержаніе ея было ему безразлично, лишь бы оно вязалось съ прелестной формой. И заканчивать эту форму брался художникъ; то же дѣлалъ и типографъ. Принципіальной разницы между устремленіями обоихъ не было. Попутно художникъ сказывалъ и свое,—оно вовсе не было связано съ содержаніемъ пьесы: —развѣ Уайльдъ хоронилъ куколку Саломею, оттанцовавшую танецъ розочекъ въ пудреницу.—Нѣтъ, Мастеръ Бирдслей увѣрялъ читателя:

„—Спрячьте куколку въ пудреницу, другъ мой, до новаго чтенія“.

Теперь: есть ли путь для иллюстратора?

Онъ долженъ явно отбросить первый, — онъ ничего не даетъ: Путаницу воздвигаетъ передъ читателемъ; далѣе—ему не все доступно, — какъ подойти съ нимъ къ чистой лирикѣ?—какъ иллюстрировать по старому стихотвореніе Баратынскаго: „Всегда и въ пурпурѣ, и въ златѣ, въ красѣ негаснущихъ страстей....“?

Второй путь: та же лирика выноситъ ему смертный приговоръ. Онъ вполнѣ безсиленъ передъ ней, —подходя къ изліяніямъ лирическимъ, онъ можетъ лишь создавать свою собственную лирику легкими чертами. Но его паѳосъ — упоеніе книгой. Но не книгой упоялся Языковъ, пишучи: „Поэта пламенныхъ созданій не бойся, дѣва....“ Что же можетъ дать здѣсь художникъ-библіофилъ?.. Но здѣсь вы-

растаетъ нѣкоторое оправданіе книголюбительской иллюстраціи и въ томъ оно, что она оживила старый пріемъ:—Аллегорію.

Аллегорія, формально опредѣляемая, есть метафора, пространственно распространенная (въ сущности, и лирически распространенная.... но это въ сторону). Это, конечно, совсѣмъ не по существу и ужъ вовсе аллегоріи не оправдываетъ. Но гдѣ „чуть-чуть“, тамъ уже и оправданіе начинается: —конечно, аллегорія выросла изъ метафоры, никакъ не наоборотъ, но несомнѣнно, что обращенная вспять аллегорія неизбѣжно къ метафорѣ придетъ. Метафора, какъ таковая, невозможна въ живописи; живопись по существу своему метонимична (и чѣмъ болѣе живописна, тѣмъ болѣе метонимична: Пикассо метонимичнѣй Манэ и такъ далѣе). Но можетъ существовать метонимическая метафора. Съ другой стороны аллегорія возвращается въ метафору. Этимъ путемъ живопись безконечно приближается къ творчеству метафорическому, приближается къ символизму * такъ сказать съ двухъ сторонъ. Присущій ей искони метонимизмъ здѣсь соединяется съ завоеваннымъ аллегоризмомъ. Обладая этими возможностями, иллюстрація открываетъ себѣ новое, гдѣ ей возможно развиться съ большей силой чѣмъ ранѣе.

Новая иллюстрація, созданная Н. С. Гончаровой, М. Ѳ. Ларіоновымъ и ихъ единомышленниками, избрала именно этотъ путь, который намъ кажется

* Авторъ формально не имѣетъ въ виду того движенія, которое у насъ носило названіе символизма въ живописи („Голубая Роза“ etc.), и къ которому необходимо отнестись отрицательно.

единственно вѣрнымъ. Хорошій „дурной символизмъ“, какъ ни странно звучитъ это выраженіе, вотъ тропа, идя по которой иллюстрація перестанетъ быть второстепеннымъ въ книгѣ или импрессіонистической болтовней на темы писателя.

Теперь два слова о самомъ методѣ работы новаго иллюстратора. Образы поэта остаются неприкосновенными. Цѣпь поперечныхъ и продольныхъ линій, введенныхъ въ живопись футуристами и развитыхъ лучизмомъ Ларіонова даетъ подобіе лирическихъ движеній въ поэмѣ. Повторяемость контуровъ и плоскостей—о томъ же. И центръ новаго въ томъ, что аналогичность устремленій поэмы и рисунка и разъясненіе рисункомъ поэмы достигаются не литературными, а живописными средствами.

С. Б.

Москва, весна 1913.

СОДЕРЖАНІЕ

КНИГА ВТОРАЯ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

*

АВТОЛИТОГРАФІИ НАТАЛІИ ГОНЧАРОВОЙ

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ:

Отпечатаны литографіей т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ въ Москвѣ.

Фронтисписъ и обложка Натальи Гончаровой. Клише Ю. Вельмана. Печать обложки его же.

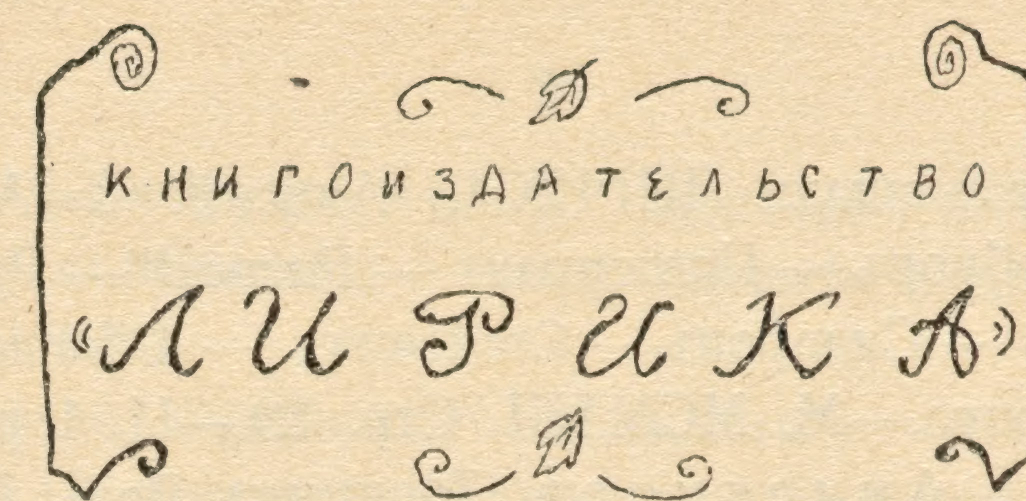
ПОПРАВКА

На стр. 80 (строка четвертая снизу) напечатано:
И біеньями благодатными...
нужно читать:
Надъ невинными снами, благодатными...

КАТАЛОГЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

ЛИРИКА

въ книгоиздательствѣ ЛИРИКА готовятся и выйдутъ осенью 1913 г. слѣдующія книги:

Второй альманахъ ЛИРИКИ.—Современные нѣмецкіе поэты.—С. Георге.—Р.-М. Рильке.—Р. Демель.—Р. Шаукаль—А. Момбертъ и др.

Вольфгангъ Гете. Тайны.—Поэма въ октавахъ.—Первый русскій переводъ (въ стихахъ) Алексѣя Сидорова.—Предисловіе Г. А. Рачинскаго

Католическіе гимны XII, XIII, XVI вѣковъ. Переводы Сергѣя Раевскаго и др. Со вступительной статьей и примѣчаніями

Алонзій Бертранъ. Ночной Гаспаръ. Переводъ Сергѣя Боброва

Р.-М. Рильке. Разсказы о Господѣ. Переводъ Юліана Анисимова

Р.-М. Рильке. Книга Часовъ, Стихи. Переводы Юліана Анисимова

Плутархъ Херонейскій. Объ Изидѣ и Озирисѣ.—Переводъ съ греческаго К. Г. Локсъ

*

Первый альманахъ ЛИРИКИ.—Анисимовъ—Асѣевъ —Бобровъ — Пастернакъ — Раевскій— Рубановичъ — Сидоровъ — Станевичъ. — Обложка. С. Боброва.—М. MCMXIII. Стр. 89.—Ц. 1 р.

Юліанъ Анисимовъ. Троицынъ День. Вторая книга стиховъ

Николай Асѣевъ. Ночная Флейта. Сборникъ стиховъ

Сергѣй Бобровъ. Вертоградари надъ лозами. Сборникъ стиховъ. Съ 10 автолитографіями Н. С. Гончаровой. Обложка и фронтиспись ея же.—М. MCMXIII. Стр. 162.—Ц 1 р. 50 к. (Изъ общаго количества экземпляровъ 50 авторизованныхъ, нумерованныхъ.—Цѣна авторизованнаго экз. 3 р.)

Сергѣй Бобровъ. Принцъ Ашатіи. Сказка. Съ иллюстраціями Н. С. Гончаровой

Борисъ Пастернакъ. Символизмъ и Безсмертіе. Книга статей

Семенъ Рубановичъ. Сборникъ стиховъ

Вѣра Станевичъ. Нарциссъ и Осень. Сборникъ стиховъ

Вѣра Станевичъ. Книга разсказовъ

*

книги сотрудниковъ ЛИРИКИ:

Юліанъ Анисимовъ. Обитель. Сборникъ стиховъ. К-во „Альціона“. М. MCMXIII

Сергѣй Бобровъ. Переводы изъ Артюра Римбо. Готовится въ к-вѣ „Альціона“

Сергѣй Дурылинъ. Рихардъ Вагнеръ и Россія.—О будущихъ путяхъ русскаго искусства. К-во „Мусагетъ“. М. 1913

Сергѣй Дурылинъ. Церковь Невидимаго Града. Сказаніе о градѣ Китежѣ. К-во „Путь“. М. 1913

„Цвѣточки Франциска Ассизскаго“. — Переводъ А. Печковскаго. Вступительная статья Сергѣя Дурылина. К-во „Мусагетъ“. М. 1913

Лао-Си. Тао-Те-Кингъ (Книга пути и добродѣтели). Перев. съ китайскаго проф. Д. Конисси, подъ ред. Л. Н. Толстого.—Статья о Лао-Си и примѣчанія Сергѣя Дурылина. М. 1913. (Складъ въ к-вѣ „Мусагетъ“)

„Сказанія о бѣднякѣ Христовомъ“ Книга о св. Францискѣ Ассизскомъ. Житіе. — С. Сѣвернаго. — Избранные „Цвѣточки“.—Перев. А. Печковскаго.—Францисканскія легенды. Анатоля Франса.—Снимки съ фресокъ Чимабуэ и Джотто.—М. 1911

Поль Верлэнъ. Записки вдовца. — Переводъ Семена Рубановича. К-во „Альціона“ М. MCMX

*

По дѣламъ ЛИРИКИ просятъ обращаться къ представителю книгоиздательства, С. П. Боброву (Лопухинскій, 7, 14; тел. 4'38'37.—Лично по пятницамъ отъ 8 до 9 часовъ вечера)

*

Складъ изданій ЛИРИКИ въ книгоиздательствѣ „Мусагетъ“ (Пречистенскій бул., 31; тел. 1.79.50)

*

Книга отпечатана
20 мая тысяча девятьсотъ тринадцатаго года
типографіей
В. И. Воронова
для
книгоиздательства
ЛИРИКА

ЦѢНА 1р. 50к.